русские мемуары

Николай I
глазами современников

составитель Яков Гордин

Русские мемуары

Николай I глазами современников

«РИПОЛ Классик»
2017

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)1

Николай I глазами современников / «РИПОЛ Классик», 2017 — (Русские мемуары)

ISBN 978-5-521-00397-6

В книгу вошли фрагменты воспоминаний, дневников и переписки, всесторонне освещающие личность Николая I и позволяющие беспристрастно оценить период его правления. Среди мемуаристов министры, военачальники, доверенные лица императора, придворные и родственники, писатели и журналисты, а также простые люди, оставившие свидетельства о «мрачном тридцатилетии».

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)1

ISBN 978-5-521-00397-6

, 2017
© РИПОЛ Классик, 2017

Содержание

Предисловие 6
Великий князь Николай Павлович 8
Формирование личности 8
Облик, манера поведения 14
Гвардейский генерал 17
Наследник престола 28
Восшествие на престол 34
Вопрос о престолонаследии 34
14 декабря 43
Коронация 66
Император 68
Император как государственный человек 68
Император и Ермолов 76
Император и Польша 79
Конец ознакомительного фрагмента. 81

Я. А. Гордин, автор-составитель
Николай I глазами современников

© Гордин Я. А., составление, предисловие, комментарии, указатель, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Пальмира», АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

*** * ***

Он всегда следовал по тому пути, который казался ему предначертанным. Немногие понимали его в его простоте, и многие этим злоупотребляли. Но история оправдает его.
Великая княжна Ольга Николаевна, королева Вюртембергская

Мы 30 лет ошибались…
Эти 30 лет мы будем не раз поминать.
Великий князь Константин Николаевич

Умри Николай Павлович в 1850 году, он не дожил бы до пагубной войны с французами и англичанами, которая прекратила его жизнь и набросила на его царствование мрачную тень. Но тень эта существует только для современников. При свете беспристрастной истории она исчезнет, и Николай станет в ряд самых знаменитых и доблестных царей в истории.
Н. И. Греч

Будь проклято царствование Николая I.
А. Герцен

Предисловие

В этой книге читатель найдет отнюдь не все из того, что он привык ассоциировать с именем Николая I. Здесь нет истории взаимоотношений императора с Пушкиным, гонений на Лермонтова, шельмования Чаадаева и так далее. Об этом написано достаточно.

Из сюжетов не менее известных рассматриваются только допросы молодым императором мятежников 14 декабря, ибо они необходимы для понимания характера нашего героя.

Книга не претендует на всестороннее изображение николаевской эпохи. Свою цель составитель видит в другом – дать по возможности ясное представление о человеке, от которого зависела судьба огромной страны и миллионов граждан, ее населяющих.

Великий князь Николай Павлович, а затем император Николай I, был личностью глубоко незаурядной в своем роде, и это существенно усложняет нашу задачу.

Когда пытаешься определить для себя характерные черты этой личности, то неизбежно вспоминаешь знаменитую фразу из «Братьев Карамазовых»: «Широк человек, я бы сузил». И в самом деле – Николай Павлович был искренним патриотом, жаждавшим осчастливить Россию и весь ее народ без изъятия, но в то же время принесший России и ее народу немалые беды. Нежный муж и отец, способный на самые высокие чувства в семейном кругу, он мог быть изуверски безжалостен к тем, кого считал нарушителями установленных им правил существования. Истово верующий христианин, он был совершенно лишен главной христианской добродетели – умения прощать. Он гордился своей прямотой и рыцарственностью и в то же время не гнушался коварства и лицемерия.

Пожалуй, ни один из русских государей не внушал по отношению к себе столь полярные чувства – от благоговейного восхищения до яростной ненависти. И те и другие чувства были совершенно искренними.

Резкое неприятие личности Николая Павловича и, соответственно, его политики поражало после смерти императора его приверженцев. В качестве некоего камертона по отношению ко всей книге попробуем использовать фрагмент из мемуаров фрейлины Марии Фредерикс, любившей императора преданно и бескорыстно.

Из воспоминаний фрейлины императрицы Александры Федоровны баронессы Марии Петровны Фредерикс

В настоящую минуту [1883] я сижу перед портретом нашего незабвенного императора Николая Павловича, и много дум родится в голове моей. Как много несправедливого и ложного было пущено в свет о нем после смерти этого исполина могущества и славы, который так любил Россию!

Ненависть к памяти императора Николая была особенно ощутительна в первые годы царствования его сына. Преданным покойному государю людям нельзя было назвать его без того, чтобы не вызвать тяжелых для преданности слов. Против него кричали, его бранили всячески, выставляя каким-то страшилищем, о котором будущие поколения и история могут вообразить себе, что действительно он был какое-то грозное, нечеловечное явление. Теперь эта злоба начинает укрощаться, а со временем можно быть вполне уверенным, что императору Николаю I отдадут полную справедливость; иначе и не может быть. Но тогда, при восходящем солнце, думали понравиться, услужить этой ненавистью к закатившемуся навек великому, могущественному светилу! Сильно ошибались люди, высказывавшие подобные мысли. Наш добрый, кроткий царь-мученик любил своего отца, умел ему отдавать справедливость и свято чтил его

> память. К несчастью, слабость его характера не давала ему той силы и могущества, которые так нужны были при всех великих преобразованиях России, выпавших на его долю…
>
> …Император Николай был жестоко обманут своими окружающими. Это тоже один из упреков, возводимый на его память. Но если эти окружающие его, доверенные люди, несмотря на его суровость и твердую волю, не хотели исполнять то, что он повелевал, – виноват ли в этом он?..

В начале царствования Николая I Пушкин, чьих «друзей, товарищей, братьев» молодой император отправил на каторгу – многих без должных на то оснований, – а пятерых повесил, тем не менее приветствовал его восторженными стихами:

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

А другой великий русский поэт – Федор Иванович Тютчев – подвел горький итог тридцатилетнему правлению усопшего императора:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей.
И все дела твои, и добрые и злые, —
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

Заметим: и тот и другой писали прежде всего о человеке.

Разумеется, в значительной степени Николай реализовался как личность в своей государственной деятельности, что подтверждают многие приводимые в книге свидетельства и документы. Но его государственные деяния как во внутренней, так и во внешней политике ярчайше окрашивались особенностями его характера. Именно то, что частный человек со своими симпатиями и антипатиями, своими пристрастиями и фобиями нередко подменял человека государственного, и привело несокрушимого, казалось бы, императора, к трагическому – прежде всего именно чисто человеческому – финалу.

Так кем же был Николай Павлович Романов?

Посмотрим, что говорили о нем близко знавшие его люди и наблюдавшие его современники, что говорил о себе он сам, и попробуем сделать выводы.

Великий князь Николай Павлович

Формирование личности

Из «Воспоминаний о младенческих годах императора Николая Павловича, записанных им собственноручно»

Отец мой нас нежно любил; однажды, когда мы приехали к нему в Павловск, к малому саду, я увидел его, идущего ко мне навстречу со знаменем у пояса, как тогда его носили, он мне его подарил; другой раз обер-шталмейстер граф Ростопчин, от имени отца, подарил мне маленькую золоченую коляску с парою шотландских вороных лошадок и жокеем…

…Мы очень любили отца, и обращение его с нами было крайне доброе и ласковое…

Как ни странно, речь идет о Павле I, которого мы отнюдь не без оснований воспринимаем как деспота и самодура. Но для мальчиков Николая и Михаила это был ласковый и нежный отец. Таким его и запомнил на всю жизнь император Николай Павлович.

Из «Воспоминаний о младенческих годах императора Николая Павловича, записанных им собственноручно»

Я не помню времени переезда моего отца в Михайловский дворец, отъезд же нас, детей, последовал несколькими неделями позже. Отец часто приходил нас проведать, и я очень хорошо помню, что он был чрезвычайно весел. Сестры мои жили рядом с нами, и мы то и дело играли и катались по всем комнатам и лестницам «в санях», т. е. на опрокинутых креслах… Наше помещение находилось над апартаментами отца, рядом с церковью… моя спальня соответствовала спальне отца и находилась непосредственно над нею… за моей спальней находилась темная витая лестница, спускавшаяся в помещение отца… Мы спускались регулярно к отцу в то время, когда он причесывался; это происходило в собственной его опочивальне; он тогда был в белом шлафроке и сидел в простенке между окнами… Нас, т. е. меня, Михаила и Анну, впускали в комнату с нашими англичанками, и отец с удовольствием нами любовался, когда мы играли на ковре, покрывавшем пол этой комнаты…

Воспоминания эти сочинялись через много лет после марта 1801 года, но Николай, которому было около пяти лет, помнит, как мы видим, все детали.

Можно было бы усомниться в точности этих сентиментальных воспоминаний, если бы они не подтверждались другими источниками.

Из воспоминаний великой княжны Анны Павловны

Мой отец любил окружать себя своими младшими детьми и заставлял нас, Николая, Михаила и меня, являться к нему в комнату играть, пока его причесывали, в единственный свободный момент, который у него был. В особенности это случалось в последнее время его жизни. Он был нежен и так добр с нами, что мы любили ходить к нему.

Из записей барона Модеста Андреевича Корфа «Материалы и черты к биографии императора Николая I»

Великих князей Николая и Михаила Павловичей он [Павел I] обыкновенно называл «мои барашки», «мои овечки» и ласкал их весьма нежно, чего никогда не делала их мать. Точно так же, в то время как императрица обходилась довольно высокомерно и холодно с лицами, находящимися при ее младших детях, строго заставляя их соблюдать в своем

присутствии придворный этикет, который вообще столько любила, император совсем иначе обращался с этими людьми, значительно ослабляя в их пользу этот придворный этикет, во всех остальных случаях им строго наблюдавшийся. Таким образом, он дозволял нянюшке не только при себе садиться, держа великого князя на руках, но весьма свободно с собою разговаривать…

> Когда мы думаем о характере и стиле правления императора Николая Павловича, то странным образом забываем о той страшной травме, которую пятилетний Николай получил утром 12 марта 1801 года, – убийстве любимого отца.
>
> Если старших сыновей Александра и Константина Павел подозревал в мятежных умыслах, не доверял им и обращался с ними весьма жестко, то невинные младшие были предметом его нежности и надежды. И не только в смысле чисто человеческом.

Из книги Николая Карловича Шильдера «Император Николай Первый: Его жизнь и царствование»

Существуют указания… что Павел Петрович предполагал будто бы избрать своим преемником великого князя Николая Павловича, который был любимцем отца. К этому намерению относятся слова, сказанные государем, что он вскоре помолодеет на двадцать пять лет. «Подожди еще пять дней, и ты увидишь великие дела!» – с этими словами император Павел обратился к графу Кутайсову, намекая на какую-то предстоящую таинственную перемену.

Вечером 11 марта 1801 года, в последний день своей жизни, император Павел посетил великого князя Николая Павловича. При этом свидании великий князь, которому уже шел пятый год, обратился к своему родителю с странным вопросом, отчего его называют Павлом Первым. «Потому что не было другого государя, который носил бы это имя до меня», – отвечал ему император. «Тогда, – продолжал великий князь, – меня будут называть Николаем Первым». «Если ты вступишь на престол», – заметил ему государь. Погрузившись затем в раздумье и устремив долгое время свои взоры на великого князя, Павел крепко поцеловал сына и быстро удалился из его комнат.

> Есть основания предполагать, что мысль о престоле родилась у Николая еще в детстве и связана была с благоволением любимого отца. И тем страшнее было для него то, что произошло в ночь на 12 марта.

Из «Воспоминаний о младенческих годах императора Николая Павловича, записанных им собственноручно»

Однажды вечером был концерт в большой столовой; мы находились у матушки; мой отец уже ушел, и мы смотрели в замочную скважину, потом поднялись к себе и принялись за обычные игры. Михаил, которому было тогда три года, играл в углу один в стороне от нас; англичанки, удивленные тем, что он не принимает участия в наших играх, обратили на это внимание и задали ему вопрос: что он делает? Он не колеблясь отвечал: «Я хороню своего отца!» Как ни малозначащи должны были казаться такие слова в устах ребенка, они тем не менее испугали нянек. Ему, само собой разумеется, запретили эту игру, но он тем не менее продолжал ее… На следующее утро моего отца не стало… События этого печального дня сохранились в моей памяти как смутный сон… Когда меня одели, мы заметили в окно, на подъемном мосту под церковью, караулы, которых не было накануне; тут был весь Семеновский полк, в крайне небрежном виде. Никто из нас не подозревал, что мы лишились отца; нас повели вниз к матушке… Матушка моя лежала в глубине комнаты, когда вошел император Александр в сопровождении Константина и князя Николая Ивановича Салтыкова; он бросился перед матушкой на колени, и я до сих пор еще слышу его рыдания. Ему принесли воды, а нас увели.

Не так уж смутно запомнил маленький Николай этот день, если в памяти его остались такие подробности.

Через три десятка лет в ушах у него звучали рыдания Александра, давшего согласие на убийство собственного отца.

Конечно же, Николай, любимый сын Павла I, не простил случившегося ни Александру – что бы он о нем впоследствии ни говорил, – ни придворной элите, которой не верил после этого ни на грош.

Он недаром так точно описал топографию Михайловского дворца: он не мог забыть, что его отца убивали совсем близко от детской, где он, пятилетний мальчик, спал сладким сном, – в комнате, расположенной ниже этажом.

Со временем он наверняка узнал имена убийц и регулярно видел их в окружении старшего брата – императора.

И в канун 14 декабря 1825 года Николай слишком хорошо помнил, что Павла убили его приближенные, а во главе их стоял тот, кому он больше всего доверял, – генерал-губернатор столицы граф Пален.

Из дневника сенатора Павла Гавриловича Дивова, 11 марта 1827 года

По прошествии 25 лет впервые назначена заупокойная литургия по императоре Павле. Это прекрасный поступок со стороны императора Николая.

Правда, в это самое время генерал-губернатором Петербурга был генерал Павел Васильевич Голенищев-Кутузов – один из убийц Павла…

Ни император Александр, ни император Николай никогда не забывали своего царственного родителя. Но чувства при этом они испытывали разные.

В 1796 году, взойдя на престол, Павел устроил торжественное перезахоронение останков Петра III, также погибшего в результате заговора. Николай по сути дела символически повторил его поступок по отношению к нему самому…

Однако, будучи нежным отцом, Павел оставался самим собой, что сказалось в выборе главного воспитателя младших сыновей. Им стал генерал-лейтенант Матвей Иванович Ламсдорф, суровый служака, не слишком образованный, но фанатик дисциплины. Главная установка, которая дана была Павлом Ламсдорфу, – чтобы великие князья «не были похожи на шалопаев немецких принцев».

Из «Записок» Николая I

Лишившись отца, остался я невступно пяти лет; покойная моя родительница, как нежнейшая мать, пеклась об нас двух с братом Михаилом Павловичем, не щадя ничего, дабы дать нам воспитание, по ее убеждению, совершенное.

Николай существенно идеализирует отношение Марии Федоровны к детям. Не говоря о том, что «главный наставник» избран был убитым супругом.

И дальше Николай рисует достаточно ужасающую картину воспитания великих князей, категорически опровергающую миф о «нежнейшей матери».

Из «Записок» Николая I

Мы поручены были как главному нашему наставнику генералу графу Ламсдорфу, человеку, пользовавшемуся всем доверием матушки… Граф Ламсдорф умел вселить в нас одно чувство – страх, и такой страх и уверение в его всемогуществе, что лицо матушки было

для нас второе в степени важности понятий. Сей порядок лишил нас совершенно счастия сыновнего доверия к родительнице, к которой допущаемы мы были редко одни, и то никогда иначе, как будто на приговор. Беспрестанная перемена окружающих лиц вселила в нас с младенчества привычку искать в них слабые стороны, дабы воспользоваться ими в смысле того, что по нашим желаниям нужно было, и должно признаться, что не без успеха.

Генерал-адъютант Ушаков был тот, кого мы более всех любили, ибо он с нами никогда сурово не обходился, тогда как граф Ламсдорф и другие, ему подражая, употребляли строгость с запальчивостью, которая отнимала у нас и чувство вины своей, оставляя одну досаду за грубое обращение, а часто и незаслуженное. Одним словом – страх и искание, как избегнуть от наказания, более всего занимали мой ум.

В учении видел я одно принуждение и учился без охоты. Меня часто, и, я думаю, не без причины, обвиняли в лености и рассеянности, и нередко граф Ламсдорф меня наказывал тростником весьма больно среди самых уроков.

Таким было мое воспитание до 1809 года, где приняли другую методу…

> Таким образом, великого князя, будущего императора, подвергали телесным наказаниям до тринадцати лет!
>
> Поскольку именно в эти годы формируется в значительной степени характер человека, то стоит обратиться к более подробному рассказу об этом периоде.

Из записей барона Модеста Андреевича Корфа «Материалы и черты к биографии императора Николая I»

Неизвестно, на чем основывалось то высокое уважение к педагогическим способностям генерала Ламсдорфа, которое могло решить выбор императора Павла, но достоверно то, что ни Россия, ни великие князья, в особенности же Николай Павлович, не выиграли от этого избрания. Ламсдорф, как по всему заключить можно, не обладал не только же ни одною из способностей, необходимых для воспитания особы царственного дома, призванной иметь влияние на судьбы своих соотечественников и на историю своего народа, но даже был чужд и всего того, что нужно для человека, посвящающего себя воспитанию частного лица. Вовсе не понимая воспитания в истинном, высшем его смысле, он вместо того, чтобы дать возможно лучшее направление тем моральным и интеллектуальным силам, которые уже жили в ребенке, приложил все свои старания единственно к тому, чтоб переломить его на свой лад и идти прямо наперекор всем наклонностям, желаниям и способностям порученного ему воспитанника. Великие князья были постоянно как бы в тисках. Они не могли свободно и непринужденно ни встать, ни сесть, ни ходить, ни говорить, ни предаваться обычной детской резвости и шумливости; их на каждом шагу останавливали, исправляли, делали замечания, преследовали моралью или угрозами. Императрица Мария Федоровна, кажется, точно так же ошибалась в задаче воспитания и только побуждала Ламсдорфа действовать по той несчастной системе, которую он одну и разумел: системе холодных приказаний, выговоров и наказаний, доходящих до жестокости. Николай Павлович в особенности не пользовался расположением своего воспитателя, всегда предпочитавшего ему младшего брата. Он действительно был характера строптивого, вспыльчивого, а Ламсдорф, вместо того чтобы умерить этот характер мерами кротости, обратился к строгости, почти бесчеловечной, позволяя себе даже бить великого князя линейками, ружейными шомполами и пр. Не раз случалось, что в ярости своей он хватал мальчика за грудь или за воротник и ударял его об стену так, что тот почти лишался чувств. В ежедневных журналах почти на каждых страницах встречаются следы жестокого обращения, вовсе не скрываемого и ничем не маскируемого. Везде являются угрозы наказания, жалобы кавалеров генералу Ламсдорфу (всегдашнему карателю) и самой императрице за проступки весьма неважные, самые обыкновенные,

которые со всяким ребенком случаются, но не бывают рассматриваемы с преувеличением как бы через микроскоп. Императрица из повседневных рапортов могла очень ясно видеть, какое жестокое, часто без всякой нужды, обращение было с ее младшими сыновьями, в журналах упоминалось даже об ударах шомполом, но, вероятно, она так же полагала, что все это хорошо и необходимо для воспитания, потому что ей осмеливались прямо и открыто докладывать о подобных подробностях.

> Контраст между тем положением, в котором находились Николай и Михаил при жизни Павла, и холодной бессмысленной жестокостью, с которой они столкнулись после его смерти – в самом чувствительном возрасте, – бесспорно, еще усилил горечь в душе Николая при воспоминании о страшном утре 12 марта 1801 года.
>
> Такое детство бесследно не проходит. Многолетнее унижение – при том, что Николай хорошо представлял себе, кто он такой, – неизбежно требует психологической компенсации.

Из записей барона Модеста Андреевича Корфа «Материалы и черты к биографии императора Николая I»

Великие князья едва вставали утром с постели, как почти сейчас же принимались за военные игры. У них были (в большом количестве) оловянные солдатики, которых, если нельзя было выходить со двора за дурной погодой или в зимнее время, они расставляли в комнатах по столам; летом же они играли этими солдатиками в саду, строили редуты, крепости и атаковали их. Кроме оловянных солдатиков команда их комплектовалась фарфоровыми. Из прочих игрушек военных у них были еще: ружья, алебарды, гренадерские шапки, деревянные лошади, барабаны, трубы, зарядные ящики и проч. […]

Несмотря, однако же, на эту приверженность к военным внешностям, великий князь Николай Павлович в детстве вовсе не имел настоящего воинственного духа и во многих случаях был труслив.

Так, например, он, будучи 5-ти и даже 6-ти лет, чрезвычайно еще боялся стрельбы. В первый раз ему случилось самому стрелять через два дня после того, как ему исполнилось 6 лет, т. е. 27 июня 1802 года; это было в Гатчине. Оба великих князя за несколько времени перед тем сами просили, чтобы им позволили эту забаву; но когда дело дошло до исполнения, то Николай Павлович испугался, стал плакать и спрятался в беседке… Заметив в детях такую трусость, их стали часто водить на стрельбу, но они довольно долго продолжали бояться ее. Иногда перед окнами их, в Гатчине, проходило военное учение, причем некоторые пехотные полки стреляли: Николай Павлович и тут всегда трусил, плакал, затыкал себе уши и прятался. Только в 1806 году он полюбил сам стрелять.

Точно так же он сперва долго очень боялся грозы и фейерверков: когда наступала гроза, раздавался гром и начинала блистать молния, великий князь усердно просил, чтобы закрывали все трубы и принимали другие предосторожности. Грозы он боялся даже в 1808 году…

С самого детства также он не мог смотреть ни с какой высоты или стоять на узком пространстве, не подвергаясь сильным головокружениям, и, между тем как боязнь грома и стрельбы у него со временем прошла, ему никогда, даже и до позднейших лет, не удавалось превозмочь неприятного физического ощущения, сейчас описанного.

> Внешне крепкий, рослый, здоровый мальчик, великий князь был, очевидно, весьма неврастеничен. И его позднейшая подчеркнутая брутальность, его солдатская повадка явились, скорее всего, реакцией на эти детские и подростковые страхи. Вряд ли он мог забыть о них, и ему необходимо было противопоставить этим мучительным для него воспоминаниям репутацию человека сурово мужественного.

В утрированной форме все это сказалось в бытность его гвардейским генералом. А пока что проявлялось в жестокости по отношению к своим товарищам по играм, прежде всего к младшему брату.

Из записей барона Модеста Андреевича Корфа «Материалы и черты к биографии императора Николая I»

Игры эти редко бывали миролюбивы, почти всякий день случались или ссора, или даже драка. Николай Павлович был до крайности вспыльчив и неугомонен, когда что-нибудь или кто-нибудь его сердили; что бы с ним ни случалось, падал ли он или ушибался, или считал свои желания неисполненными, а себя обиженным, он тотчас же произносил бранные слова (например, иногда называл своего брата дураком), рубил своим топориком барабан, игрушки, ломал их, бил палкой или чем попало товарищей игр своих, несмотря на то что очень любил их, а к младшему брату был страстно привязан; иногда же вспыльчивость свою простирал до того, что плевал в лицо великой княжне Анне Павловне…

Другим любимым занятием Николая Павловича была игра в шахматы. Здесь также выказывалась совершенная разность натур обоих братьев: старший все только нападал и действовал натиском, младший хитрил и озадачивал его неожиданными, остроумными ходами.

Кроме шахмат великие князья (с 1808 года) играли еще в бостон, но Николай Павлович не умел оставаться хладнокровным, когда проигрывал, выходил из себя и даже рвал карты.

Облик, манера поведения

Во время своего визита в Англию двадцатилетний великий князь произвел на английское общество самое благоприятное, хотя и своеобразное впечатление.

Из памятных записок барона Кристиана Фридриха Стокмара, лейб-медика принца Леопольда Саксен-Кобургского. Англия, 1816

Это необыкновенно обворожительный юноша; он не очень худ и прям как сосна. Его лицо юношеской белизны с необыкновенно правильными чертами, красивым открытым лбом, красивыми изогнутыми бровями, необыкновенно красивым носом, изящным маленьким ртом и выточенным подбородком. Его манера держать себя полна оживления, без принужденности и натянутости, и тем не менее исполнена достоинства. Он говорит по-французски свободно и хорошо, сопровождая слова свои грациозными жестами. Если все сказанное им не отличалось изысканностью, зато он во всяком случае был чрезвычайно занимателен и, по-видимому, обладал несомненным талантом ухаживать за женщинами. В нем проглядывает большая самонадеянность при совершенном отсутствии претенциозности.

Из разговора леди Кемпбелл с бароном Кристианом Фридрихом Стокмаром. Англия, 1816

Что за милое создание! Он дьявольски хорош собою! Он будет красивейшим мужчиной в Европе!

Из книги Сергея Спиридоновича Татищева «Император Николай I и иностранные дворы»

Англичан видимо поразили спартанские привычки великого князя, его умеренность в пище, воздержанность в питье. Действительно, он пил только воду, а вечером слуги его внесли в приготовленную для него в Клармонте спальню набитый сеном мешок, заменявший ему постель. Англичанам показалось это аффектациею…

Из «Записок» известного мемуариста Филиппа Филипповича Вигеля. 1816

Рядом с прусским принцем ехал государь с видом чрезвычайно довольным. За ним следовал великий князь Николай Павлович. Русские тогда еще мало знали его; едва вышед из отрочества, два года провел он в походах за границей, в третьем проскакивал он всю Европу и Россию, и, возвратясь, начал командовать Измайловским полком. Он был несообщителен и холоден, весь преданный чувству долга своего; в исполнении его он стал слишком строг к себе и к другим. В правильных чертах его белого, бледного лица была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которые в первой молодости облегли чело его, были как будто предвестием всех напастей, которые посетят Россию во время его правления… Никто не знал, никто не думал о его предназначении; но в неблагосклонных взорах его, как в неясно писанных страницах, как будто читали историю будущих зол. Сие чувство не могло привлекать к нему сердец. Скажем всю правду: он совсем не был любим.

В 1817 году состоялась свадьба Николая Павловича и прусской принцессы Шарлотты.

Из книги Михаила Александровича Полиевктова «Николай I. Биография и обзор царствования»

8 июня 1817 года принцесса приехала в Мемель, а на другой день прибыл сюда Николай Павлович. В этот же день состоялся переход принцессы через границу. По обеим сторонам

границы были выстроены русские и прусские войска. Николай Павлович, поздоровавшись с пруссаками, сказал: «Мои друзья, помните, что я наполовину ваш соотечественник и, как вы, вхожу в состав армии вашего короля». Принцесса перешла границу пешком. Представляя ее русским войскам, Николай Павлович сказал офицерам: «Это не чужая, господа, это дочь вернейшего союзника и лучшего друга нашего государя». Все это не было лишено большого политического значения. Мечты об упрочении династической связи между Россией и Пруссией, которые лелеял в свое время император Павел и которые, как его завет, сберегла для его детей императрица Мария Федоровна, теперь были близки к осуществлению. Дружба с Пруссией надолго с этого времени становится заветом русской правительственной политики, как бы одним из официально санкционированных устоев русской государственности.

> Когда великий князь называл себя «наполовину соотечественником» прусских офицеров, он имел в виду происхождение его матери – дочери герцога Вюртембергского, генерала на прусской службе.
>
> Эта романтическая идея кровного родства как залога политического союза была одной из тех ложных доктрин императора Николая I, которая привела его к катастрофе.

Из «Воспоминаний первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны» Петра Михайловича Дарагана. 1817–1819

Выдающаяся черта характера великого князя Николая была любовь к правде и неодобрение всего поддельного, напускного. В то время император Александр Павлович был в апогее своей славы, величия и красоты. Он был идеалом совершенства… Не только гвардейские генералы и офицеры старались перенять что-либо из манер императора, но даже и великие князья Константин и Михаил поддавались общей моде и подражали Александру в походке и манерах… По врожденной самостоятельности характера не увлекался этой модой только один великий князь Николай Павлович. В то время великий князь Николай Павлович не походил еще на ту величественную, могучую, статную личность, которая теперь представляется всякому при имени императора. Он был очень худощав и оттого казался еще выше. Облик и черты лица его не имели еще той округлости, законченности красоты, которая в императоре так невольно поражала каждого и напоминала изображения героев на античных камеях. Осанка и манеры великого князя были свободны, но без малейшей кокетливости или желания нравиться; даже натуральная веселость его, смех, как-то не гармонировали со строго классическими, прекрасными чертами его лица… А веселость эта была увлекательна, это было проявление того счастья, которое, наполняя душу юноши, просится наружу. В павловском придворном кружке он был всегда весел до шалости. Я помню, как в один летний день императрица, великий князь с супругою и камер-фрейлина Нелидова вышли на террасу павловского сада. Великий князь шутил с Нелидовой, это была сухощавая, небольшая старушка, весьма умная, добрая и веселая. Вдруг великий князь берет ее на руки, как ребенка, несет в караульную будку, оставляет в ней и строгим голосом приказывает стоящему на часах гусару не выпускать арестантку. Нелидова просит о прощении, императрица и великая княгиня смеются, а великий князь бросается снова к будке, выносит Нелидову и, опустив ее на то место, откуда взял, становится на колени и целует ей руки.

Из записей Василия Андреевича Жуковского

Ничего не могло быть трогательнее великого князя в домашнем быту. Лишь только переступал он к себе за порог, как угрюмость вдруг исчезала, уступая место не улыбкам, а громкому радостному смеху, откровенным речам и самому ласковому обращению с окружающими… Счастливый юноша с доброю, верною прекрасною подругой, с которой жил

душа в душу, имея занятия, согласные с его склонностями, без забот, без ответственности, без честолюбивых помыслов, с чистою совестью, чего недоставало ему на земле?

Нет оснований не верить Василию Андреевичу, человеку честному и доброжелательному. Его наблюдения над частной жизнью великого князя, над его поведением в кругу семьи наверняка соответствуют действительности. Он не скрывает, что за пределами этого счастливого оазиса – Аничкова дворца, – великому князю свойственна была «угрюмость» как отличительная черта. И это было павловское наследие. Как мы помним, грозный для окружающих император в другой обстановке превращался в нежного, трогательного отца. И в том и в другом случае это, скорее всего, не было врожденной двойственностью. Это было фанатическим представлением о своем долге.

Василий Андреевич был не только добр, но и доверчив. И если бы он мог заглянуть в наглухо закрытую душу Николая Павловича, то ответ на вопрос «чего недоставало ему на земле?» оказался бы один: великому князю недоставало русского трона.

Гвардейский генерал

В 1808 году, двенадцати лет от роду, великий князь Николай Павлович получил право носить генеральский мундир.

Из книги Николая Карловича Шильдера «Император Николай I»

Что касается характера Николая Павловича в период его отрочества и ранней юности, то черты, проявлявшиеся у него уже с детства, за это время лишь развились. Он сделался еще более строптивым, самонадеянным и своевольным. Желание повелевать, развившееся в нем, вызывало неоднократные жалобы со стороны воспитателей.

Из «Записок» Николая I

До 1818 года не был я занят ничем; все мое знакомство со светом ограничивалось ежедневным ожиданием в передних или секретарской комнате… От нечего делать вошло в привычку, что в сем собрании делались дела по гвардии, но большею частью время проходило в шутках и насмешках насчет ближнего; бывали и интриги. В то время вся молодежь, адъютанты, а часто и офицеры ждали в коридорах, теряя время или употребляя оное для развлечения почти так же и не щадя ни начальство, ни правительство.

Долго я видел и не понимал, сперва родилось удивление, наконец, и я смеялся, потом начал замечать, многое видел, многое понял; многих узнал и в редком обманулся. Время сие было потерей времени и драгоценной практикой для познания людей и лиц, и я сим воспользовался.

Осенью 1818 года государю было угодно сделать мне милость, назначив командиром 2-й бригады 1-й гвардейской дивизии, т. е. Измайловским и Егерским полками. За несколько месяцев перед тем вступил я в управление Инженерною частию.

Из книги Михаила Александровича Полиевктова «Николай I. Биография и обзор царствования»

21 августа 1818 года великим князем был представлен доклад об устройстве инженерного корпуса на новых основаниях, чему и была посвящена его дальнейшая деятельность… Сосредоточив в своих руках управление инженерными войсками, Николай Павлович поставил себе двоякую цель: создать русский военно-инженерный корпус и тем избегнуть необходимости обращаться к иностранным силам и развить военно-инженерное строительство – крепостное и казарменное.

Из «Записок о вступлении на престол» Николая I

Я начал знакомиться с своей командою и не замедлил убедиться, что служба шла везде совершенно иначе, чем слышал волю моего государя, чем сам полагал, разумел ее, ибо правила оной были в нас твердо влиты. Я начал взыскивать, но взыскивал один, ибо что я по долгу совести порочил, дозволялось везде даже моими начальниками. Положение было самое трудное; действовать иначе было противно моей совести; но сим я явно ставил и начальников и подчиненных против себя, тем более что меня не знали и многие или не понимали, или не хотели понимать.

Корпусом начальствовал тогда генерал-адъютант Васильчиков; к нему я прибег, ибо ему поручен был как начальнику покойной матушкой. Часто изъяснял я ему свое затруднение, он входил в мое положение, во многом соглашался и советами исправлял мои понятия. Но сего не доставало, чтобы поправить дело; даже решительно сказать можно – не зависело более от генерал-адъютанта Васильчикова исправить порядок службы, распущен-

ный, испорченный до невероятности с самого 1814 года, когда, по возвращении из Франции, гвардия оставалась в продолжительное отсутствие государя под начальством графа Милорадовича. В сие-то время и без того расстроенный трехгодичным походом порядок совершенно разрушился; и в довершение всего дозволена была офицерам носка фраков. Было время (поверит ли кто сему), что офицеры езжали на учение во фраках, накинув шинель и надев форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранилась только во фронте; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а все делалось совершенно произвольно и как бы поневоле, дабы только жить со дня на день.

Смысл всего этого пассажа понятен: записки сочинялись после 14 декабря, и Николай старался объяснить нелюбовь к нему гвардии – нелюбовь, которая стала одной из причин мятежа. Он, конечно же, сильно преувеличивает беспорядок в гвардейском корпусе. Ему, не нюхавшему пороха, были непонятны отношения между офицерами и генералами – ветеранами недавно окончившейся жесточайшей войны, отношения между боевыми товарищами.

Что же до нелюбви к нему и солдат, и офицеров, и части генералитета, то дело было не столько в его требовательности, сколько в той форме, в которой эта требовательность проявлялась.

Резкость, нетерпимость и грубость великого князя были внятны всем, кто его знал. В этом отношении очень характерны наставления, которые императрица Мария Федоровна дала сыну перед его поездкой по России в 1816 году. При всей мягкости и осторожности выражений суть их ясна.

Из письма императрицы Марии Федоровны великому князю Николаю Павловичу

…Если Вы говорите чересчур громко, Ваш голос звучит резко и может показаться грубым, чего всячески следует избегать.

Из «Записок о вступлении на престол» Николая I

По мере того как начинал я знакомиться со своими подчиненными и видеть происходившее в прочих полках, я возымел мысль, что под сим, т. е. военным распутством, крылось что-то важное; и мысль сия постоянно у меня осталась источником строгих наблюдений. Вскоре заметил я, что офицеры делятся на три разбора; на искренно усердных и знающих; на добрых малых, но запущенных и оттого не знающих; и на решительно дурных, т. е. говорунов дерзких, ленивых и совершенно вредных: на сих-то последних налег я без милосердия и всячески старался оных избавиться, что мне и удавалось. Но дело сие было нелегкое, ибо сии-то люди составляли как бы цепь через все полки и в обществе имели покровителей, коих сильное влияние оказывалось всякий раз теми нелепыми слухами и теми неприятностями, которыми удаление их из полков мне отплачивалось.

Из записок современника

Обыкновенное выражение его лица имеет в себе нечто строгое и неприветливое. Его улыбка есть улыбка снисходительности, а не результат веселого настроения или увлечения. Привычка господствовать над этими чувствами сроднилась с его существом до того, что вы не замечаете в нем никакой принужденности, ничего неуместного, ничего заученного, а между тем все его слова, как и все его движения, размеренны, словно перед ним лежат музыкальные ноты. В великом князе есть нечто необычное: он говорит живо, просто, кстати: все, что он говорит, умно, ни одной пошлой шутки, ни одного забавного или непристойного слова. Ни в тоне его голоса, ни в составе его речи нет ничего, что обличало бы гордость

или скрытность. Но вы чувствуете, что сердце его закрыто, что преграда недоступна и что безумно было бы надеяться проникнуть вглубь его мысли или обладать полным доверием.

В 1814 году к великим князьям был приставлен в качестве воспитателя по военной части генерал Петр Петрович Коновницын, знаменитый герой 1812 года.

Это был выбор удачный во всех отношениях, но, к сожалению, результат его воздействия на воспитанников оказался весьма незначителен. Разумеется, он мог им многое рассказать и объяснить касательно военного дела, но прошедший кровавую эпопею наполеоновских войн Коновницын отнюдь не только в этом видел свое предназначение.

Когда в 1816 году его миссия завершилась, Коновницын обратился к своим питомцам с удивительным посланием.

Из послания Петра Петровича Коновницына великим князьям

Умеряйте честолюбивые желания, буде они в вас вкрались. Они могут привести к желанию пролития крови ваших ближних, за которую никто вознаградить не в силах. Помните непрестанно, что вступать в войну надобно всегда с сожалением крайним, производить оную как можно короче и в единственных видах продолжительного мира; что и самая обязанность командования армиями есть и должна быть обязанностью начальственною, временною и даже неприятною для добрых государей. Что блаженство народное не заключается в бранях, а в положении мирном; что положение мирное доставляет счастие, свободу, изобилие посредством законов, следовательно, изучение оных, наблюдение за оными есть настоящее, соответственное и неразлучное с званием вашим дело. В прочих же бранях, могущих касаться до спасения отечества, славы и независимости его, идите с твердостью, как славный род предков ваших подвизался.

Из этого текста следует, что в 1816 году Коновницын, близкий ко двору, не исключал воцарения одного из великих князей. Разумеется, старшего – Николая.

Но это было делом неопределенного будущего. Гораздо актуальнее было другое его наставление.

Из послания Петра Петровича Коновницына великим князьям

Если придет время командовать вам частями войск, сколько бы велики или малы оне ни были, да будет первейшее ваше старание о содержании их вообще и о призрении больных и страждущих. Старайтесь улучшить положение каждого, не требуйте от людей невозможного. Доставьте им прежде нужный и необходимый покой, а потом уже требуйте точного и строгого исполнения истинной службы. Крик и угрозы только что раздражают, а пользы вам не принесут.

Однако, став гвардейским генералом, вскоре после расставания с Коновницыным, великий князь Николай Павлович немедленно начал действовать вопреки его заветам.

Постепенно Николай Павлович пришел к выводу, что именно армия является идеальным вариантом жизнеустройства.

Великий князь Николай Павлович (из разговора)

Здесь порядок, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противоречия, все вытекает одно из другого; никто не приказывает, прежде чем не научится повиноваться; никто без законного основания не становится вперед другого; все подчиняется одной определенной цели, все имеет свое назначение.

Поскольку армия представлялась великому князю идеалом, он стал прилагать все усилия, чтобы она его представлениям соответствовала. Но методы его категорически расходились с тем, что советовал ему опытнейший Коновницын.

Из воспоминаний инженера путей сообщения Виктора Михайловича Шимана

Изумительная деятельность, крайняя строгость и выдающаяся память, которыми отличался император Николай Павлович, проявилась в нем уже в ранней молодости, одновременно со вступлением в должность генерал-инспектора по инженерной части и началом сопряженной с нею службы. Некто Кулибанов, служивший в то время в гвардейском саперном батальоне, передавал мне, что великий князь Николай Павлович, часто навещая этот батальон, знал поименно не только офицеров, но и всех нижних чинов; а что касалось его неутомимости в занятиях, то она просто всех поражала. Летом, во время лагерного сбора, он уже рано утром являлся на линейное и ружейное учение своих сапер; уезжал в 12 часов в Петергоф, предоставляя жаркое время дня на отдых офицерам и солдатам, а затем, в 4 часа, скакал вновь 12 верст до лагеря и оставался там до вечерней зари, лично руководя работами по сооружению полевых укреплений, проложению траншей, заложению мин и фугасов и прочими саперными занятиями военного времени. Образцово подготовленный и до совершенства знавший свое дело, он требовал того же от порученных его заведованию частей войск и до крайности строго взыскивал не только за промахи в работах, но и за фронтовым учением и проделыванием ружейных приемов. Наказанных по его приказанию солдат часто уносили на носилках в лазарет; но в оправдание такой жестокости следует заметить, что в этом случае великий князь придерживался только воинского устава того времени, требовавшего беспощадного вколачивания ума и памяти в недостаточно сообразительного солдата, а за исполнением строгих правил устава наблюдал приснопамятный по своей бесчеловечности всесильный Аракчеев, которого побаивались даже великие князья. Чтобы не подвергнуться замечаниям зазнавшегося временщика, требования его исполнялись буквально, а в числе этих требований одно из главных заключалось в наказании солдат за всякую провинность палками, розгами, шпицрутенами до потери сознания.

При таких условиях начиналась служба Николая Павловича, и, конечно, не могли эти условия не оставить следов на нем. Ученья, смотры, парады и разводы он любил неизменно до самой смерти.

Из «Записок» декабриста Андрея Евгеньевича Розена

В конце мая полки выступили в лагерь в Красном Селе. Служба была строгая; палатка его высочества была в шестнадцати шагах от моей палатки. Его высочество был взыскателен по правилам дисциплины и потому, что сам не щадил себя; особенно доставалось офицерам. В жаркий день, когда мы были уже утомлены от учения, а его высочество был не в духе, раздосадован, он протяжно запел штаб-горнисту сигнал беглого шага. Мы побежали, а он звонким голосом кричит: «Кирасиры! что вы топчетесь на одном месте? Подымайте ноги!» – и, провожая нас галопом, начал угощать до того времени еще не вводившимися любезностями и ругательствами. Наконец велел трубить отбой, мы остановились; он подъехал к нашим колоннам бледный, сам измученный зубною болью, и, как выражались тогда, пошел писать и выговаривать: скверно! мерзко! гадко! и то дурно, и то не хорошо, и того не знаете, и того не умеете, – наконец, когда досада переполнилась, он прибавил: «Все, что в финляндском мундире, все свиньи! Слышите ли, все свиньи!» – повернул коня и уехал. В лагере собрались мы у батальонных командиров и объявили, что после такой выходки нельзя оставаться в этом полку; но как время к поданию просьб в отставку было назначено с сентября по январь, следовательно, такое прошение или требование всею массою офицеров о переводе в армей-

ские полки будет принято за бунт, то положено было от каждого чина по жребию выходить из полка. Толковали до вечерней зари, толки перешли в другие полки и, разумеется, дошли и до его высочества. Приехал бывший командир наш, Шеншин, в финляндском мундире, уговаривал, упрашивал, обижался, если мы подумаем только, что в нем меньше чести, нежели в офицерах, но все это были промахи; наконец нашелся и переубедил, сказав: «Господа, я вам докажу ясно и непреложно, что его высочество даже в пылу гнева и досады не думал о вас и не мог вас обидеть, зная хорошо, что государь император, августейший брат его, через каждые семь дней носит наш мундир». На другой день его высочество после учения подошел к нашему офицерскому кругу и слегка коснулся вчерашнего дня и слегка извинился. Но через две недели нам опять досталось после того, как полковник П. Я. Куприянов, по близорукости или забывчивости на батальонном учении, удалив взводного офицера и не заметив, что за этим взводом замыкал подпоручик Белич, приказал командовать унтер-офицеру. Пошли объяснения, вызовы на поединок, но он действительно этого не знал и не видел, был, напротив, особенно хорошо расположен к Беличу, извинился вполне удовлетворительно, и дело кончилось по-семейному, но не понравилось его высочеству. На первом учении после этого случая он выказал свое неудовольствие: он видел в вызове нарушение дисциплины и после учения, изложив сделанные ошибки, прибавил: «Господа офицеры, займитесь службою, а не философией: я философов терпеть не могу, я всех философов в чахотку вгоню!»

Из «Записок о вступлении на престол» Николая I

Государь возвратился из Ахена в конце года, и тогда в первый раз удостоился я доброго отзыва моего начальства и милостивого слова моего благодетеля, которого один благосклонный взгляд вселял бодрость и счастие. С новым усердием я принялся за дело, но продолжал видеть то же округ себя, что меня изумляло и чему я тщетно искал причину.

Из «Записок» декабриста Андрея Евгеньевича Розена

Однажды в Аничковом дворце представлял я ординарцев его высочеству; там собраны были полковые и батальонные командиры; его высочество рассуждал о введении нового ружейного приема, стоял с ружьем в руках и объявил свое намерение – представить на разрешение государя перемену одного приема, чтобы при первом темпе на *караул!* ружье было бы спущено во всю левую руку, потому что это представляет более удобства, а когда скомандуют *на руку!* – то прием по новому темпу будет также легче и по дороге. Все слушали с благоговением и одобрили мнение, когда вдруг полковник Люце заметил: «Ваше императорское высочество, когда скомандуют *товсь!* (изготовиться к стрельбе), то прием такой, поновому, будет не по дороге». Его высочество отступил на шаг назад, приложил ружье прямо штыком к носу Люце и сказал: «Ах ты нос! проклятый нос! мне это в голову не приходило». У Люце был весьма широкий нос, тавлинкой.

Саперный полковник Люце, надо заметить, был пожилой и заслуженный офицер, годившийся великому князю в отцы…

Из «Записок декабриста» Николая Ивановича Лорера

Служба мирного времени шла своим порядком без излишнего педантизма, но, к сожалению, этот порядок вещей скоро стал изменяться. Оба великие князя, Николай и Михаил, получили бригады и тут же стали прилагать к делу вошедший в моду педантизм. В городе они ловили офицеров; за малейшее отступление от формы одежды, за надетую не по форме шляпу сажали на гауптвахты; по ночам посещали караульни и, если находили офицеров спящими, строго с них взыскивали… Приятности военного звания были отравлены, служба стала всем делаться невыносимой! По целым дням по всему Петербургу шагали полки то на учение, то с учения, барабанный бой раздавался с раннего утра до поздней ночи. Манежи

были переполнены, и начальники часто спорили между собой, кому из них первому владеть ими, так что принуждены были составить правильную очередь.

Оба великие князя друг перед другом соперничали в ученье и мученье солдат. Великий князь Николай даже по вечерам требовал к себе во дворец команды человек по сорок старых ефрейторов; там зажигались свечи, люстры, лампы, и его высочество изволил заниматься ружейными приемами и маршировкой по гладко натертому паркету. Не раз случалось, что великая княгиня Александра Федоровна, тогда еще в цвете лет, в угоду своему супругу становилась на правый фланг сбоку какого-нибудь 13-вершкового усача-гренадера и маршировала, вытягивая носки.

Старые полковые командиры получили новые назначения; а с ними корпус офицеров потерял своих защитников, потому что они одни изредка успевали сдерживать ретивость великих князей, представляя им, как вредно для духа корпуса подобное обращение с служащим людом; молодые полковые командиры, действуя в духе великих князей, напротив, лезли из кожи, чтобы им угодить, и таким образом мало-помалу довели до того, что большое число офицеров стало переходить в армию.

> Надо иметь в виду, что офицеры и солдаты, которых фанатически муштровали и оскорбляли молодые великие князья, были ветеранами наполеоновских войн и для них, израненных, награжденных боевыми орденами, эта игра в оловянные солдатики живыми людьми была глубоко чуждой. Их самопредставление – самопредставление спасителей Отечества и Европы – категорически не совпадало со взглядом на них великих князей.

Из «Записок декабриста» Николая Ивановича Лорера

Капнист прежде служил в Измайловском полку и был одним из отличнейших офицеров, могущих всегда принести честь полку, и вышел только из гвардии по мстительности и преследованиям бригадного начальника – великого князя Николая Павловича.

Всем известно, что его высочество, увлекаясь часто фрунтовой службой, дозволял себе более того, что может снести всякий порядочный человек, а потому эти-то порядочные люди и останавливали его. Так однажды, желая поправить какую-то ошибку, направился он и к Капнисту, но сей остановил его словами: «Ваше высочество, не троньте меня, я щекотлив». Николай Павлович не мог ему этого простить.

Из «Записок» декабриста Андрея Евгеньевича Розена

В лейб-гвардии Егерском полку в Вильне разжалован был полковник Н. Н. Пущин. В. С. Норов переведен был в армию, когда бригадный командир, великий князь Николай Павлович, сказал ему: «Я вас в бараний рог согну!» Грубые выходки вошли в моду…

Из «Записки» офицера Алексея Александровича Челищева

Вот что сохранилось в моей памяти о норовской истории в л.-гв. Егерском полку.

Капитан Василий Сергеевич Норов, командир 3-й гренадерской роты, был одним из уважаемых и любимых товарищами офицеров полка. Известный как один из храбрейших офицеров этого славного полка, с которым он участвовал в кампании 1812 и 1813 годов до Кульмского сражения, где был тяжело ранен пулей в пах. Он был офицер весьма образованный и сведущий в военном деле, которому был горячо предан, товарищи в шутку называли его Жомини (по имени военного теоретика генерала Жомини. – *Я. Г.*).

На одном из смотров при разводе его роты, не помню, в Вильне, в конце февраля 1822 года покойный государь Николай Павлович, тогда еще великий князь и командир 2-й гвардейской дивизии пехотной бригады, остался очень недоволен его ротой и сделал ему очень резкий выговор… Норов, оскорбленный словами великого князя, решился подать просьбу

о переводе в армию. В отставку можно было подавать только от сентября до января. Это взволновало всех уважавших его товарищей, и мы по зрелому обсуждению незрелых и очень либеральных наших молодых голов решили последовать его примеру. Человек около двадцати из нас согласились по очереди подавать по две просьбы в день, через каждые два дня, о переводе в армию, что шесть из нас и успели сделать, бросить жребий – кому начинать. По прибытии в полк бывшего тогда в кратковременном отпуску командира полка генерала Головина все дело было прекращено арестованием нас, подавшим просьбы…

Известный литератор и мемуарист Александр Васильевич Никитенко записал рассказ младшего брата Норова – Авраама Сергеевича, героя Бородина, ставшего крупным николаевским сановником.

Из записей Александра Васильевича Никитенко

У Норова, Авраама Сергеевича, был старший брат Василий, человек очень умный, как о том свидетельствуют находившиеся у меня письма его к родным, история 1812 и 1813 годов… и многие его литературные заметки, находившиеся у меня в рукописи. Этот Василий Норов служил в гвардии, в полку, которым командовал Николай Павлович, в то время великий князь. Был смотр полка. Великий князь приехал в дурном расположении духа. Обходя ряды солдат, он остановился против одного офицера, возле Норова.

Физиономия ли этого офицера не понравилась великому князю или он неловко, как-нибудь не по темпу, пристукнул ногою, только его высочество сильно разгневался на него, ухватил за руку и ущипнул. Затем он направился к Норову, но тот, не допустя его к себе на два шага, сказал: «Ваше высочество, я щекотлив». Через два или три месяца случился новый смотр. Был день ненастный, и как раз у места, где стоял Норов со своим взводом, образовалась огромная лужа. Великий князь был на коне; приблизясь к луже, он дал шпоры лошади, которая, прянув в лужу, окатила Норова с ног до головы. По окончании смотра Норов явился к своему полковнику и подал просьбу об отставке. Его любили все товарищи в полку и тоже объявили, что и они подают в отставку. Полковник не знал, что делать, и довел обо всем до сведения государя. Его величество сделал выговор его высочеству, и дело на этом закончилось.

Как видим, «норовская история» со временем обросла своеобразной мифологией. Но история эта, весьма сильно повлиявшая на отношение великого князя, а затем и императора к офицерам, демонстрирующим высокое самоуважение, наиболее полно обрисована была самим Николаем Павловичем.

От этого эпизода остался целый комплекс писем, дающих наиболее ясное представление о происшедшем.

Письмо великого князя Николая Павловича исполняющему обязанности командующего гвардией генералу Ивану Федоровичу Паскевичу от 3 марта 1822 года

Милостивый государь мой Иван Федорович!

Поставив себе долгом иметь к Вам всегда полную откровенность не только как к начальнику моему, но и как к человеку, коего дружбой и советами я умею ценить, обязанностию своею считаю довести до *партикулярного* а не *начальничаго* сведения происшествие, ныне здесь случившееся в л.-г. Егерском полку.

На другой день приезда моего был развод л.-г. Егерского полку рот 2-й карабинерной и 4-й егерской; я был ими вовсе недоволен, ибо не нашел исправленным то, что должно было ротным командирам привести в порядок в те два месяца, кои роты провели в деревне.

Объяснив сие сильно, но без всякого пристрастия бат[альонному] ком[андиру] Толмачеву, сделал выговор и рот[ным] командирам, кап[итану] Норову караб[инерской] роты и

Мандерштерну, показав на месте то, что упущено было, и прибавя, что ежели в скором времени не будет исполнено то, что должно, принужден я буду отнять у обоих роты.

После развода, призвав всех трех к себе, повторил я все сии замечания, прибавив, что тем более сии упущения в моих глазах непростительны, что оба были всегда отличными ротными командирами.

Поутру на другой день полк[овник] Толмачев пришел ко мне и объявил, что к[апитан] Норов просится в армию. Спросив о причине, получил ответ от Толмачева, что Норов считает себя обиженным тем, что я ему выговаривал и обещал отнять роту. Сие показалось мне весьма *странным*; подумав немного, отвечал я Толмачеву, чтоб он остерег Норова, что, если подаст просьбу, не дождавшись случая показать мне роту в порядке, лишит меня возможности аттестовать его к чину; и что притом подобная поспешность со всякой стороны не у места, ибо я могу взять ее за личную дерзость ко мне.

На другой день, поутру, полковник Толмачев принес мне просьбу Норова в армию по домашним обстоятельствам с прибавкою, что он готов выйти *хотя и капитаном*. Я принял ее и оставил у себя до приезда Головина; но между тем г[оспода] офицеры почти все собрались поутру к Толмачеву с требованием, *чтоб я отдал сатисфакцию Норову*. Толмачев прогнал их, прибавив, что как они смели без своих батальонных командиров к нему явиться, а еще более без их ведома; они поехали к Арбузову (один из старших офицеров л.-гв. Егерского полка. – *Я. Г.*); офицеры же второго батальона остались у Толмачева, который уже как батальонный командир им все пропел, что они заслуживали, и еще прибавил, что был свидетелем того, что я говорил *ему самому* и ротным командирам, находит, что я поступил с ними по всей строгой справедливости и обидного им не говорил. То же сделал и Арбузов, прогнав от себя офицера третьего батальона, ко мне приехавший полковник Каменский объявил то же самое.

К счастию моему, приехал сюда Карл Иванович (генерал Бистром, командир 2-й гвардейской дивизии, в которую входила бригада Николая Павловича, во время наполеоновских войн командир л.-гв. Егерского полка. – *Я. Г.*); поговорив с ним обо всем, согласился он со мною мне в это вовсе не вмешиваться, ибо дело остановилось до приезда Головина; до меня же официально оно не дошло…. Вы посудите, сколь я терплю от сего несчастного приключения; одно меня утешает, что я не виноват ни в чем. Как сожалею, что Вас здесь нет, чтоб быть всему свидетелем и мне наставником своими советами.

Я повторю Вам, что все сие есть дело совершенно приватное; я его по службе не знаю; прошу и Вас принять оное так же. Дай бог, чтоб Головин скорее приехал и чтоб все кончилось к чести и пользе службы. Не премину со своей стороны Вас уведомить о последствиях. Почтите меня Вашим ответом и советом; но опять осмеливаюсь просить не разглашать про все сие.

Вам искренне доброжелательный
Николай

Из письма этого ясно, что великий князь был в паническом состоянии. Главное было не в демонстративных просьбах офицеров прославленного полка о переводе из-под начальства Николая, а в требовании сатисфакции. Офицеры лейб-гвардии Егерского полка требовали, чтобы великий князь шел на поединок с оскорбленным Норовым. Ни больше ни меньше.

Николай оказался в весьма щекотливом положении. Он был не только великий князь, но и русский дворянин и прекрасно знал, что отказ от дуэли компрометирует человека. Отсюда его надежда, что Головину удастся тихо уладить конфликт и мольбы «не разглашать» случившееся.

Волновало Николая и то, как отнесется к случившемуся император Александр.

Маловероятно, что его поведение было строго, но не оскорбительно.

В этом случае не было бы и столь резкой реакции большинства офицеров всех трех батальонов полка. Они считали, что задета честь их товарища, а не просто сделано дисциплинарное внушение.

Скорее всего, нечто вроде «Я вас в бараний рог скручу!» и было сказано. В этом можно было бы усомниться, если бы не свидетельство Розена об оскорблениях, которыми Николай осыпал офицеров лейб-гвардии Финляндского полка.

Замять дело, однако, не удалось. Норов был приговорен к шести месяцам содержания в крепости и отправлен в армейский егерский полк без полагавшегося в таких случаях повышения в чине. Наказаны были и другие участники демонстрации.

Но, судя по всему, и Паскевич, и Головин, и тем более Бистром, не любивший Николая, прекрасно понимали, на чьей стороне правота. Понимал это и Александр, ибо на следующий год Норов был «всемилостивейше прощен», произведен в подполковники и переведен в привилегированный пехотный полк принца Вильгельма Прусского.

Николай с тех пор стал резко отрицательно относиться к дуэльной традиции. «Я ненавижу дуэли, – говорил он, уже будучи императором, – в них нет ничего рыцарского».

Тяжелый осадок от истории 1822 года остался у него надолго. И когда Норов был арестован по делу декабристов, то молодой император жестко припомнил ему их столкновение.

Когда императрица Елизавета Алексеевна, как мы увидим, в письме матери утверждала, что Николай демонстрирует свою независимость, то она была совершенно права. И проявлялось это не только в отсутствии подражания брату-императору – в отличие от Константина и Михаила, – но и в попытках настоять на своем даже вопреки приказам начальников. Он пытался использовать свой статус великого князя, чтобы явно выделиться из среды других гвардейских генералов.

В начале 1824 года генерал Ф. П. Уваров стал замечать, что усердие некоторых начальников отдельных частей войск через меру утомляет солдат. Вследствие чего Уваровым были определены дни, когда воспрещалось производить «домашния» учения. За исполнением этого распоряжения было особое и, кажется, весьма деятельное и строгое наблюдение. 13 мая 1824 года, за несколько дней перед назначенным учением в высочайшем присутствии, были именно воспрещены все «домашния» учения. Тем не менее великий князь Николай Павлович просил генерала Паскевича разрешить ему утром, в течение не более часу, выведя людей в фуражках, без аммуниции, подготовить свою бригаду к предстоящему учению. Генерал Паскевич, переговорив с генералом Уваровым, на просьбу великого князя отвечал решительным отказом. Учение, однако, состоялось, и в тот же день Паскевич получил от Уварова предписание.

Предписание, полученное генералом Паскевичем от генерала Федора Петровича Уварова. 13 мая 1824 года

Дошло до сведения моего, что полки 2-й бригады вверенной Вам дивизии, лейб-гвардии Измайловский и Егерский, вопреки приказания моего сего числа были на учении. Упу-

щение или ослушание в службе нетерпимо, а потому и предписываю Вашему превосходительству с получения сего сие исследовать, и ежели оное окажется справедливым, то я на первый раз столь неожиданного случая делаю мое замечание, но с тем вместе предваряю Ваше превосходительство, что впредь, при малейшем случае сему подобном, с виновных строго будет взыскано.

Ваше превосходительство, служа столь долгое время всегда и везде с известным отличием, легко себе представить можете, сколь много меня удивило дошедшее до меня сведение.

Генерал от кавалерии Уваров

Генерал Паскевич на этот раз вовсе не хлопотал выгородить великого князя от заслуженной им неприятности и послал ему рапорт.

Рапорт генерала Паскевича великому князю Николаю Павловичу

Командиру 2-й бригады 1-й гвардейской дивизии его императорскому высочеству великому князю Николаю Павловичу

генерал-лейтенанта Паскевича

Рапорт

Получив предписание от г. командующего корпусом… в котором извещает, что л.-г. Измайловский и л.-г. Егерский полк, вопреки приказанию его высокопревосходительства, были на учении. Упущение или ослушание по службе нетерпимо; а поэтому и предписывает мне сделать следствие, и ежели оное окажется справедливо, то на первый раз столь неожиданного случая делает замечание; но с тем вместе предваряет, что впредь при малейшем упущении с виновных будет взыскано строго.

Препровождая при сем копию предписания г. командующего корпусом… покорнейше прошу по оному исполнить.

Великий князь сознавал свою виновность; следующий собственноручно написанный им рапорт Паскевичу это доказывает.

Рапорт великого князя Николая Павловича генералу Паскевичу. 13 мая 1824 года

Командиру 1-й гвардейской пехотной дивизии господину генерал-лейтенанту и кавалеру Паскевичу

От командира 2-й бригады оной же дивизии генерал-инспектора великого князя Николая Павловича

Рапорт

На предписание Вашего превосходительства… в котором изъясняете неудовольствие господина командующего корпусом, что вопреки отданного приказания лейб-гвардии Измайловский и лейб-гвардии Егерский полки сегодня были выведены на учение, честь имею донести следующее.

Получив вчерашнего числа личное предписание государя императора насчет назначения на завтрашнее число батальонного учения в высочайшем присутствии и *не знав еще* запрещения господина командующего корпусом, я сам назначил быть во всей бригаде сего числа поутру в 6 часов учению в фуражках, без амуниции и не более как до семи часов; что

я почитал необходимым для уравнения шага, еще нетвердого, и дабы с большею верностию быть в состоянии вывести бригаду. Ввечеру, получив записку Вашего превосходительства, я остановился, и в том винюсь пред Вашим же превосходительством, и, не отменив учение, на которое надеялся еще получить разрешение, осмелился просить Вашего ходатайства для получения сего дозволения. Не получив же ответа, я не отменил и учения, которое воспоследовало *от шести часов утра до семи часов,* побатальонно обоим полкам на Семеновском парадном месте, а Саперному батальону на Преображенском.

Я надеюсь, что в сем изложении простой истины Ваше превосходительство не найдете другого, кроме искреннего, признания в ошибке, в которой я сам винюсь, тем более что никто более меня не чувствует всю важность военного послушания, быть образцом которого я всегда старался и буду стараться ревностно быть.

Генерал-инспектор
Николай

На этот раз Николаю не удалось переупрямить командующего гвардией Уварова, но сама попытка – характерна.

Наследник престола

Из дневника Григория Ивановича Вилламова, личного секретаря императрицы Марии Федоровны. 1807

Она [императрица-мать] видит, что престол все-таки со временем перейдет к великому князю Николаю, и по этой причине его воспитание особенно близко ее сердцу.

Из записок Николая Ивановича Греча «Воспоминания старика»

В цвете лет мужества он [Александр I] скучал жизнию, не находил отрады ни в чем, искал чего-то и не находил, опасался верить честным и умным людям и доверял хитрому льстецу, не дорожил своим саном и между тем ревновал к совместникам… Он, быв наследником, внушил общую к себе любовь всей России, как она обрадовалась, когда он вступил на престол. Это воспоминание, отрадное для частного человека, тяготило царя. Он боялся иметь наследника, который заменил бы его в глазах и мыслях народа, как он, конечно без всякого умысла, затмил своего отца. Соперничества Константина Павловича он не боялся: цесаревич не был ни любим, ни уважаем и давно уже говорил, что царствовать не хочет и не будет. Он опасался превосходства Николая и заставлял его играть жалкую и тяжелую роль бригадного и дивизионного командира, начальника инженерной части, не важной в России. Вообразите, каков был бы Николай с своим благородным твердым характером, с трудолюбием и любовью к изящному, если б его приготовляли к трону хотя бы так, как приготовляли Александра. Но того воспитывала Екатерина Алексеевна, а этого Мария Федоровна, женщина почтенная и добродетельная, но ограниченная в своих взглядах и суждениях, трудолюбивая и неусыпная нянька и хозяйка, но весьма недальновидная в политике и истории. Немка в душе…

> В этом пассаже главное и, скорее всего, справедливое – недоверие Александра к младшему брату и боязнь придворных интриг в его пользу. Что до остального, то мемуарист заблуждается – командование гвардейской дивизией было естественным для молодого великого князя, а инженерную часть он фактически сам и создал, обожая инженерное дело.
>
> И маловероятно, чтобы какое бы то ни было воспитание принципиально изменило характер Николая Павловича.

Из письма императрицы Елизаветы Алексеевны матери. Март 1820 года

Суть дела такова: уже несколько лет великий князь Константин имел любовницу, которая успела надоесть ему, да к тому же была еще неверна. В конце концов он положил переменить свой образ жизни и жениться, но не на особе равного с ним положения, а на одной польской даме. Я бы не поклялась, что во всем этом нет польской интриги, и полагаю сие даже более вероятным. Он уже давно просил у императора разрешения на развод, еще когда хотел жениться на княжне Четвертинской, но в это время сему воспротивилась императрица-мать своим обычным непреклонным ответом: «Выбирайте особу вашего ранга, и я соглашусь». Тогда она и не допустила сего таковым разумным решением. Теперь же дела переменились, все приняло совершенно иной оборот: она уже видит Николая и его потомство слишком близко к престолу, чтобы способствовать их удалению от сего вследствие законного брака Константина, и потому уже согласна на мезальянс, при котором все возможные отпрыски оного будут отстранены от престолонаследия посредством официального акта. Это всех устраивает. Императора, могущего таким образом способствовать участию нежно любимого брата; вдовствующую императрицу, поскольку это обеспечивает трон тем, кого она называет своими *истинными детьми*; Николая, для которого корона уже давно привлекательна;

наконец, самого Константина, совершенно не амбициозного и с польскими вкусами, он даже готов еще при жизни императора отказаться от своих прав на престол… В моей душе что-то столь сильно противится сему нарушению престолонаследия и связанным с этим побуждениям, что я не могу без боли думать и говорить об этом.

Из «Записок» Николая I

В лето 1819 года находился я в свою очередь с командуемою мной тогда гвардейской бригадой в лагере под Красным Селом. Перед выступлением из оного было в моей бригаде линейное учение, кончившееся малым маневром в присутствии императора. Государь был доволен и милостив до крайности. После учения пожаловал он к жене моей обедать; за столом мы были только трое. Разговор во время обеда был самый дружеский, но принял вдруг неожиданный для нас оборот, потрясший навсегда мечту нашей спокойной будущности. Вот в коротких словах смысл сего достопамятного разговора.

Государь начал говорить, что он с радостью видит наше семейное блаженство (тогда был у нас один старший сын Александр, и жена моя была беременная старшей дочерью Мариею); что он счастья сего никогда не знал, виня себя в связи, которую имел в молодости; что ни он, ни брат Константин Павлович не были воспитаны так, чтобы уметь ценить с молодости сие счастье; что последствия для обоих были те, что ни тот ни другой не имели детей, которых бы могли признать, и что сие чувство для него самое тяжелое. Что он чувствует, что силы его ослабевают, что в нашем веке государям кроме других качеств нужна физическая сила и здоровье для перенесения больших и постоянных трудов; что скоро он лишится потребных сил, чтобы по совести исполнять свой долг, как он его разумеет, и что потому он решился, ибо сие считает своим долгом, отречься от правления с той минуты, когда почувствует сему время. Что он неоднократно говорил о том брату Константину Павловичу, который, быв с ним одних почти лет, в тех же семейных обстоятельствах, притом имея природное отвращение к сему месту, решительно не хочет ему наследовать на престоле, тем более что оба видят в нас знак благодати Божией, дарованного нам сына. Что поэтому мы должны знать наперед, что мы призываемся на сие достоинство.

Мы были поражены как громом. В слезах, в рыдании от сей ужасной неожиданной вести мы молчали! Наконец государь, видя, какое глубокое, терзающее впечатление слова его произвели, сжалился над нами и с ангельскою, ему одному свойственною ласкою начал нас успокаивать и утешать, начав с того, что минута сему ужасному для нас перевороту еще не настала и не так скоро настанет, что может быть лет десять еще до оной, но что мы должны заблаговременно только привыкать к сей будущности неизбежной.

Тут я осмелился ему сказать, что я себя никогда на это не готовил и не чувствую в себе ни сил, ни духу на столь великое дело; что одна мысль, одно желание было – служить ему изо всей души, и сил, и разумения моего в кругу поручаемых мне должностей, что мысли мои даже дальше не достигают.

Дружески отвечал мне он, что, когда вступил на престол, он в том же был положении; что ему было еще труднее, что нашел дела в совершенном запущении от совершенного отсутствия всякого основного правила и порядка и хода правительственных дел, ибо хотя при императрице Екатерине в последние годы порядку было мало, но все держалось еще привычками; но при восшествии на престол родителя нашего совершенное изменение прежнего вошло в правило: весь прежний порядок нарушался, не заменяясь ничем. Что с восшествия на престол государя по сей части много сделано к улучшению и всему дано законное течение; и что потому я найду все в порядке, который мне останется только удерживать.

Кончился сей разговор; государь уехал, но мы с женой остались в положении, которое уподобить могу только тому ощущению, которое, полагаю, поразит человека, идущего спо-

койно по приятной дороге, усеянной цветами и с которой открываются приятные виды, как вдруг разверзается под ногами пропасть…

В этом тексте немало лицемерия. Николай декларирует свое обожание старшего брата, но вряд ли он забыл, что Александр санкционировал убийство их отца, которого Николай и в самом деле обожал.

Что до порядка, установившегося при Александре, то мы помним, что писал великий князь о положении в гвардии.

И крайне маловероятно, чтобы перспектива восшествия на престол приводила его в такой ужас. Вспомним опять-таки наблюдение императрицы Елизаветы Алексеевны о безусловных надеждах Николая на воцарение и позицию вдовствующей императрицы Марии Федоровны, мечтавшей о троне для Николая.

Все они не могли простить Александру смерти императора Павла.

Эти разговоры о своем ужасе перед будущей властью должны были ретроспективно оправдать поведение Николая за несколько лет до того – в ноябре 1825 года, в период междуцарствия. О чем речь впереди.

Из письма императрицы Елизаветы Алексеевны матери. 1820

Любезная и добрейшая маменька, посылаю Вам злополучный манифест о разводе великого князя Константина (с первой женой Анной Федоровной. – *Я. Г.*)… Как и следовало ожидать, он наделал здесь много шума. По большей части порицают вдовствующую императрицу, вспоминая, что пятнадцать лет назад она сказала императору и великому князю Константину при таких же обстоятельствах, что согласится на развод только в том случае, если великий князь Константин изберет себе жену своего ранга. Спрашивают, почему теперь, в подобном же случае, она изменила свое мнение, и на это вполне резонно отвечают: из предрасположения к Николаю и его потомству! Не обходится и без таких преувеличений, будто она сама требовала сего развода, что, конечно, совсем не так. Все это доставило мне немало неприятных минут… Вдовствующая императрица под влиянием своей склонности к Николаю и его жене (только которых она и называет своими детьми) часто позволяет им принимать совершенно неуместный тон и вести себя самым неподобающим образом. Александрина (жена Николая Павловича. – *Я. Г.*), получившая самое дурное воспитание, не знает, что такое обходительность, и менее всего по отношению к императору и ко мне, а Николай поставил себе за принцип изображать независимость!

Таким образом, отношения в августейшем семействе вопреки картине, нарисованной Николаем, были отнюдь не идиллическими.

При жизни Александра вдовствующая императрица Мария Федоровна, после убийства ее мужа сама претендовавшая на власть, интриговала в пользу Николая, очевидно рассчитывая при нем влиять на дела государства.

Из «Записок о восстании» декабриста Владимира Ивановича Штейнгеля

Константин в 1823 году в бытность в Петербурге подписал отречение. Кстати упомянуть об одном рассказе покойного профессора Мерзлякова… «Когда разнесся слух [о воцарении Николая I] по Москве, – говорил Алексей Федорович, – случилось у меня быть Жуковскому; я его спросил: „Скажи, пожалуй, ты близкой человек – чего нам ждать от этой перемены?“ „Суди сам, – отвечал Василий Андреевич, – я никогда не видел книги в его [Николая Павловича] руках; единственное занятие – фрунт да солдаты“».

Что бы ни писал Николай позже в своих воспоминаниях, он настойчиво думал о возможности своего воцарения.

В 1813 году семнадцатилетний великий князь представил своему «профессору морали» Федору Павловичу Аделунгу пересказ сочинения одного из историков античности об императоре-философе Марке Аврелии.

Для человека, мечтавшего о престоле, это весьма многозначительный текст.

Учебное сочинение великого князя Николая Павловича

24 января 1813 г.

Милостивый государь! Вы доставили мне удовольствие прочесть на одном из Ваших дополнительных уроков похвальное слово Марку Аврелию, соч[инение] Тома, этот образчик возвышенного красноречия принес мне величайшее наслаждение, раскрыв предо мною все добродетели великого человека и показав мне в то же время, сколько блага может сотворить добродетельный государь с твердым характером. Позвольте мне, милостивый государь, возобновить перед Вами уверения в моей благодарности и за то, что Вы пожелали познакомить меня с этим интересным и прекрасным произведением французского красноречия. Вы были так добры, что предложили мне написать сочинение по поводу прекрасного произведения Тома; я чувствую всю трудность этой работы, но буду вполне счастлив, если удастся преодолеть ее.

Тома изображает нам тот момент, когда пышная и торжественная процессия со смертными останками Марка Аврелия, умершего в Виенне, приближается к Риму в невозмутимой тиши и в мертвом молчании. Коммод, во главе населения всемирной столицы, выходит на встречу тела – своего отца и отца народа. В той толпе находился и воспитатель Марка Аврелия, Аполлоний, человек редкой добродетели, безупречный по своей жизни. Остановив погребальное шествие, к удивлению всех присутствующих, почтенный старец, обладавший величественной наружностью, произнес речь в честь Марка Аврелия, в которой он, чтобы дать сильнее почувствовать всю горечь утраты, только что причиненной смертью необыкновенного государя, указал в беглом обзоре главнейшие черты его общественной и частной жизни. Самым замечательным в этой речи мне кажется то место, где Аполлоний, описывая физическое и нравственное воспитание Марка Аврелия, говорит: «Он был деятелен и ловок во всех телесных упражнениях, что дало ему возможность впоследствии выносить все тягости войны; учился он также весьма старательно, так как понимал всю пользу этих занятий для своего будущего». Далее Аполлоний повествует о мудрости Марка Аврелия как частного человека и в доказательство того, что этот государь чувствовал всю трудность управления своей обширной империей, сообщает, что в ту минуту, когда он получил известие о своем избрании на престол, он впал в задумчивость, а потом, бросившись на шею к своему учителю, просил у него советов, чтобы сделаться достойным выбора римлян. Затем автор, приводя размышления Марка Аврелия об его двояких обязанностях, как человека и как члена общества, влагает в уста его следующую речь:

«Я пришел к мысли, что люди смыкаются в общества по велению самой природы. С этой минуты я смотрел на себя с двух точек зрения: прежде всего я видел, что составляю лишь ничтожную частицу вселенной, поглощенную целым, увлеченную общим движением, которое охватывает собой все живущее; затем я представлял себя как бы отделенным от этого безмерного целого и соединенным с человечеством посредством особого союза. Как частица вселенной, ты обязан, Марк Аврелий, принимать безропотно все, что предписывает мировой порядок; отсюда рождается твердость в перенесении зол и мужество, которое есть не что иное, как покорность сильной души. Как член общества, ты должен приносить пользу человечеству: отсюда возникают обязанности друга, мужа, отца, гражданина. Переносить то, что предписывается законами естества, исполнять то, что требуется от человека по существу его природы: вот два руководящих правила в твоей жизни. Тогда я уразумел, что называется добродетелью, и уже не боялся более сбиться с прямого пути».

Далее, сообразив свои обязанности как государя и изумившись тяжести их, Марк Аврелий говорит о себе:

«Испуганный моими обязанностями, я захотел познать средства к их выполнению – и мой ужас удвоился. Я видел, что мой долг превышал силы одного человека, а мои способности не выходили из размера этих сил.

Для выполнения таких обязанностей нужно было бы, чтобы взор государя мог обнять все, что совершается на огромнейших расстояниях от него, чтобы все его государство было сосредоточено в одном пункте пред его мысленным оком. Нужно было бы, чтобы до его слуха достигали все стоны, все жалобы и вопли его подданных; чтобы его сила действовала так же быстро, как и его воля, для подавления и истребления всех врагов общественного блага. Но государь так же слаб в своей человеческой природе, как и последний из его подданных. Между правдою и тобою, Марк Аврелий, воздвигнутся горы, создадутся моря и реки; часто от этой правды ты будешь отделен только стенами твоего дворца – и она все-таки не пробьется сквозь них. Помощь, тебе оказанная, не слишком пособит твоей слабости. Дело, доверенное чужим рукам, или идет медленно, или уторопляется, или извращается в самой своей задаче. Ничто не исполняется согласно с замыслом государя; ничто не доходит до него в надлежащем виде: добро преувеличивается, зло – прикрывается, преступление – оправдывается, и государь, всегда слабый или обманутый, всегда подверженный влиянию заблуждений или измены тех лиц, которые поставлены им затем, чтобы все видеть и слышать, – постоянно колеблется между невозможностью знать и необходимостью действовать».

Правление этого государя вполне подтверждает, что он не говорил пустых фраз, но действовал по плану, глубоко и мудро обдуманному, никогда не отступая от принятого пути. Я предполагал было, милостивый государь, поговорить об ораторской отделке этой речи; но, опасаясь растянутости и думая, что для моей цели достаточно двух приведенных отрывков, скажу в заключение этого сочинения, что я писал его с величайшим сочувствием к личности государя, вполне достойного удивления и подражания.

Свидетельствуя Вам еще раз мою признательность, остаюсь, милостивый государь, с особенным к Вам почтением и пр.

Если вчитаться в этот текст, то ясно, что великий князь пытался трезво осознать меру ответственности и тяжести, которая ложится на плечи августейшей особы…

Из «Воспоминаний о событиях 14 декабря 1825 года» великого князя Михаила Павловича

…Во второй половине ноября 1825 года, когда государь был в Таганроге, он (великий князь Михаил Павлович говорит о себе в третьем лице. – *Я. Г.*) жил… в Бельведере (резиденция великого князя Константина Павловича в Варшаве. – *Я. Г.*), в покоях, которые отделялись от половины хозяина только одною комнатою. В цесаревиче в это время происходило что-то странное. И брат его, и все приближенные видели, что он совсем не во всегдашнем расположении духа и необыкновенно пасмурен. Он даже часто не выходил к столу и на вопросы брата своего отвечал только отрывисто, что ему нездоровится… […] 25-го числа цесаревич, все погруженный в то же расстройство, опять не выходил к столу, и брат его, отобедав один с княгинею Лович, прилег потом отдохнуть. Вдруг отворяется его дверь; цесаревич, пройдя в ту комнату, которая разделяла их половины, зовет его к себе для сообщения чего-то очень нужного.

– *Michel*, – сказал он, когда великий князь, накинув наскоро сюртук, к нему вбежал: – Приготовься услышать страшную весть, нас постигло ужаснейшее несчастие.

– Что такое? – вскричал великий князь в смертельном беспокойстве. – Не случилось ли чего с матушкой?

– Нет, благодаря Бога, но над нами, над всею Россиею разразилось то грозное бедствие, которого я всегда так страшился: мы потеряли нашего благодетеля: не стало государя! […] Теперь, – сказал он Михаилу Павловичу, – настала торжественная минута доказать, что весь прежний мой образ действий был не какою-нибудь личиною… […] В намерениях моих, в моей решимости ничего не переменилось, и воля моя – отречься от престола – более чем когда-либо непреложна.

Восшествие на престол

Вопрос о престолонаследии

Возведение в сан русского императора, о чем много лет мечтал великий князь Николай Павлович, произошло, как известно, при весьма драматических обстоятельствах. Чтобы представить себе все своеобразие ситуации, предшествующей кровавой драме 14 декабря, стоит сделать некоторое усилие и прочитать комплекс документов, сопутствующих смене наследника и спровоцировавших катаклизм.

Грамота Его Императорского Высочества Цесаревича и Великого Князя КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА к покойному Государю Императору АЛЕКСАНДРУ I об отречении Его Высочества от наследия Престола[1]

Всемилостивейший Государь!

Обнадежен опытами неограниченного благосклонного расположения Вашего Императорского Величества ко Мне, осмеливаюсь еще раз прибегнуть к оному и изложить у ног Ваших, Всемилостивейший Государь! всенижайшую просьбу Мою.

Не чувствуя в Себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа, чтобы быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, к которому по рождению Моему могу иметь право, осмеливаюсь просить Вашего Императорского Величества передать сие право тому, кому оно принадлежит после меня, и тем самым утвердить навсегда непоколебимое положение Нашего Государства. Сим могу Я прибавить еще новый залог и новую силу тому обязательству, которое дал Я непринужденно и торжественно при случае развода Моего с первою Моею женою. Все обстоятельства Моего нынешнего положения Меня наиболее к сему убеждают и будут пред Государством Нашим и всем светом новым доказательством Моих искренних чувств.

Всемилостивейший Государь! Примите просьбу Мою благосклонно и испросите на оную согласие Всеавгустейшей Родительницы Нашей и утвердите оную Вашим Императорским Словом. Я же потщусь всегда, поступая в партикулярную жизнь, быть примером Ваших верноподданных и верных сынов любезнейшего Государства Нашего.

Есмь с глубочайшим высокопочитанием,
Всемилостивейший Государь!
Вашего Императорского Величества
Вернейший подданный и Брат

На подлинном, собственною рукою писанном, письме подписано тако:

КОНСТАНТИН ЦЕСАРЕВИЧ
С.-Петербурга
Генваря 14 дня 1822 года

На копии написано собственною Его Императорского Величества рукою тако:

С подлинным верно.
АЛЕКСАНДР

[1] Здесь и далее в манифестах и других официальных актах прописные буквы пишутся в соответствии с традицией XIX века. – *Примеч. ред.*

Ответная Грамота покойного Императора АЛЕКСАНДРА I о согласии Его Величества на отречение от Престола Его Императорского Высочества Цесаревича и Великого Князя КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА

Любезнейший Брат!

С должным вниманием читал Я письмо Ваше. Умев ценить всегда возвышенные чувства Вашей души, сие письмо Меня не удивило. Оно Мне дало новое доказательство искренней любви Вашей к Государству и попечения о непоколебимом спокойствии оного.

По Вашему желанию предъявил Я письмо сие Любезнейшей Родительнице Нашей. Она его читала с тем же, как и Я, чувством признательности к почтенным побуждениям, Вас руководствовавшим.

Нам Обоим остается, уважив причины, Вами изъясненные, дать полную свободу Вам, следовать непоколебимому решению Вашему, прося Всемогущего Бога, дабы Он благословил последствия столь чистейших намерений.

Пребываю навек душевно Вас любящий Брат

На подлинном подписано Его Императорского Величества рукою тако:

АЛЕКСАНДР

На копии написано:

Верно.
КОНСТАНТИН ЦЕСАРЕВИЧ
С.-Петербург.
Февраля 2 дня
1822 года

Манифест покойного Государя Императора АЛЕКСАНДРА I, утверждающий отречение от наследия Престола Его Императорского Высочества Цесаревича и Великого Князя КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА и утверждающий Наследником Его Императорское Величество Великого Князя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

Божиею милостию Мы, АЛЕКСАНДР Первый, Император и Самодержец Всероссийский, и проч. и проч. и проч. объявляем всем Нашим верным подданным. С самого вступления Нашего на Всероссийский Престол непрестанно Мы чувствуем Себя обязанными пред Вседержителем Богом, чтобы не только во дни Наши охранять и возвышать благоденствие возлюбленного Нам Отечества и народа, но также предуготовить и обеспечить их спокойствие и благосостояние после Нас, чрез ясное и точное указание Преемника Нашего, сообразно с правами Нашего Императорского Дома и с пользами Империи. Мы не могли, подобно предшественникам Нашим, рано провозгласить Его по имени, оставаясь в ожидании, будет ли благоугодно недоведомым судьбам Божиим даровать Нам Наследника Престола в прямой линии. Но чем далее протекают дни Наши, тем более поспешаем Мы поставить Престол Наш в такое положение, чтобы он ни на мгновение не мог остаться праздным.

Между тем как Мы носили в сердце Нашем сию священную заботу, Возлюбленный Брат Наш, Цесаревич и Великий Князь КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ, по собственному внутреннему побуждению, принес Нам просьбу, чтобы право на то достоинство, на которое Он мог бы некогда быть возведен по рождению Своему, передано было тому, кому оное принадлежит после Него, Он изъяснил при сем намерение, чтобы таким образом дать новую силу дополнительному Акту о наследовании Престола, постановленному Нами в 1820 году, и Им, поколику то до Него касается, непринужденно и торжественно признанному.

Глубоко тронуты Мы сею жертвою, которую Наш Возлюбленный Брат, с таким забвением Своей личности, решился принести для утверждения родовых постановлений Нашего Императорского Дома и для непоколебимого спокойствия Всероссийской Империи.

Призвав Бога в помощь, размыслив зрело о предмете, столь близком к Нашему сердцу и столь важном для Государства, и находя, что существующие постановления о порядке наследования Престола у имеющих на него право не отъемлют свободы отрещись от сего права в таких обстоятельствах, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола, – с согласия Августейшей Родительницы Нашей, по дошедшему до Нас наследственно Верховному праву Главы Императорской Фамилии и по врученной Нам от Бога Самодержавной власти, Мы определили: *во-первых*: свободному отречению первого Брата Нашего, Цесаревича и Великого Князя КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА от права на Всероссийский Престол быть твердым и неизменным; акт же сего отречения, ради достоверной известности, хранить в Московском Большом Успенском Соборе и в трех высших Правительственных местах Империи Нашей: в Святейшем Синоде, Государственном Совете и Правительствующем Сенате. *Во-вторых*: вследствие того, на точном основании акта о наследовании Престола, Наследником Нашим быть второму Брату Нашему, Великому Князю НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ.

После сего Мы остаемся в спокойном уповании, что в день, когда Царь Царствующих, по общему для земнородных закону, воззовет Нас от сего временного Царствия в вечность, Государственные сословия, которым настоящая непреложная воля Наша и сие законное постановление Наше, в надлежащее время, по распоряжению Нашему, должно быть известно, немедленно принесут верноподданническую преданность свою назначенному Нами Наследственному Императору единого нераздельного Престола Всероссийския Империи, Царства Польского и Княжества Финляндского. О Нас же просим всех верноподданных Наших, да они с тою любовью, по которой Мы в попечении о них непоколебимом благосостоянии полагали Высочайшее на земле благо, принесли сердечные мольбы к Господу и Спасителю Нашему Иисусу Христу о принятии души Нашей, по неизреченному Его милосердию, в Царствие Его вечное.

Дан в Царском Селе 16 Августа, в лето от Рождества Христова 1823, Царствования же Нашего в двадесять третие.

На подлинном подписано собственною Его Императорского Величества рукою тако:

АЛЕКСАНДР

Как и многое в нашей новейшей истории, парадоксальная ситуация, породившая все эти документы, восходит ко временам Петра I.

В последние годы жизни Петр, не желая, чтобы престол унаследовал его внук, сын убитого им царевича Алексея, отменил традиционный порядок престолонаследия. С этого времени император получал право назначать наследника по своему усмотрению, а не по старшинству в роде.

Это привело к большой путанице в русской политике. Петр умер, не успев назвать имя будущего государя, и выбор естественным образом перешел в руки гвардии – единственной организованной политической силы.

Екатерина I, Анна Иоанновна, Екатерина II именно гвардии обязаны были своим воцарением.

Павел I отменил петровский закон и восстановил прежний традиционный порядок. Александр I, как видим, фактически пошел по пути Петра.

По существу, ни один из кандидатов, имена которых звучали в декабре 1825 года, не имел юридического права на русский престол. Константин – в силу своего отречения и женитьбы на особе не августейшего рода. Николай

– потому что в русском законодательстве не было нормы, позволяющей передать престол по завещанию.

Но главное – роковой манифест от 16 августа 1823 года был скрыт от общества. О нем знали лишь несколько доверенных лиц императора, а миллионы жителей продолжали считать будущим своим государем великого князя Константина, чье имя в торжественных молебнах произносилось непосредственно после имен царствующей четы и императрицы-матери, как и подобало упоминать наследника престола.

Именно эта неизвестность, эта уверенность Александра в своем праве распорядиться престолом внутри августейшей семьи, игнорируя как закон, так и общественное мнение, и привели к трагедии 14 декабря.

Из «Записок» декабриста Сергея Петровича Трубецкого

При всех своих недостатках Александр почитался несравненно лучше своих братьев. Его озарял блеск славы, приобретенной борьбой с Наполеоном, величайшим гением своего времени… Великодушие его к победе, кротость к побежденным, отсутствие тщеславия не изгладились в памяти людей, хотя доверенность к нему народов была поколеблена… Хотя он был привязан крепко к мысли о своем самодержавии и, казалось, довольный приобретенной славою, не радел о благоденствии своих подданных, словом сказать, обленился; хотя ко всему этому должно прибавить черты деспотизма против многих лиц и гонения на те идеи совершенствования, которые сам прежде старался распространять, и хотя даже он подвергся обвинению в чувстве презрения к народу, но при всем том смерть его почиталась истинным несчастием. Может быть, всякая перемена владетельного лица в деспотическом правлении наводит страх: к недостаткам деспота, когда они не великие пороки, привыкаешь, и перемена самовластительного правителя наводит невольную боязнь. Как бы то ни было, но страх господствовал в сердцах всех тех, кто не был приближен к тому или другому из двух лиц, которые могли наследовать престол. Константин не оставил по себе хорошей памяти в столице; надеялись, однако ж, что лета изменили его, и эта надежда подкреплялась вестями из Царства Польского. Николай известен был только грубым обхождением с офицерами и жестокостью с солдатами вверенной ему гвардейской дивизии. Двор хотел Николая, и придворные говорили, что с ним ничего не переменится, все останется как было, только будет император 25 годами моложе. Константину же неприлично потому быть императором русским, что он женат на польке; и как допустить, чтоб простая польская поставлена была саном выше великих княгинь из домов королевских.

Николай I. Из «Замечаний на книгу М. Корфа „Восшествие на престол Николая I“»

25 ноября вечером, часов в 6, я играл с детьми, у которых были гости. Как вдруг пришли мне сказать, что военный генерал-губернатор гр. Милорадович ко мне приехал. Я сейчас пошел к нему и застал его в приемной комнате живо ходящим по комнате с платком в руке и в слезах; взглянув на него, я ужаснулся и спросил:

– Что это, Михаил Андреевич, что случилось?

Он мне отвечал:

– Ужасные известия.

Я ввел его в кабинет, и тут он, зарыдав, отдал мне письмо от кн. Волконского и Дибича, говоря:

– Государь умирает, остается самая слабая надежда.

У меня ноги подкосились; я сел и прочел письмо, где говорилось, что хотя не потеряна всякая надежда, но что государь очень плох.

С этого момента в Петербурге стали развиваться события, которые привели к тихому дворцовому перевороту.

О манифесте Александра I знали и сам Николай, чтобы он ни говорил, и императрица Мария Федоровна, и ряд сановников. Скорее всего и Милорадович. Но, в отличие от придворной группировки, Милорадовича и верхушку гвардейского генералитета воцарение Николая отнюдь не устраивало.

Из «Записок» Сергея Петровича Трубецкого

Великий князь Николай Павлович в тот день, когда узнал об опасной болезни государя, собрал к себе вечером князей Лопухина и Куракина и графа Милорадовича, представил им возможность упразднения престола и свои на оный права. Граф Милорадович решительно отказал ему в содействии, опираясь на невозможность заставить присягнуть войско и народ иначе как законному наследнику.

Еще до совещания у великого князя Милорадович, обладавший в отсутствие императора почти неограниченной властью в столице, совещался с генералами – командующим гвардией А. Л. Воиновым, командующим гвардейской пехотой К. И. Бистромом, дежурным генералом Главного штаба А. Н. Потаповым и начальником штаба гвардии А. И. Нейдгартом.

Милорадович и Потапов были личными друзьями великого князя Константина – Потапов служил его адъютантом во время наполеоновских войн, – у Бистрома имелись свои счеты с Николаем.

Было решено ни в коем случае не допускать присяги Николаю. Волей покойного или умирающего императора можно было пренебречь. Тем более что она была юридически некорректна.

Судьбу престола снова решала гвардия. В этот раз в лице своего высшего генералитета…

Из воспоминаний литератора Рафаила Михайловича Зотова

Я сидел у [драматурга] Шаховского. Вдруг в комнату вошел граф Милорадович. Он был во всех орденах и приехал прямо из дворца, рассказ его о случившемся там был вполне исторический.

Рассказав о привезенном известии о кончине Александра I, он – как главнокомандующий столицею и начальник всего гвардейского корпуса – обратился к великим князьям Николаю и Михаилу (ошибка мемуариста: Михаил в это время был в Варшаве. – *Я. Г.*), чтоб тотчас же присягнуть императору Константину. Николай Павлович несколько поколебался и сказал, что, по словам его матери императрицы Марии Федоровны в Государственном совете, в Сенате и в московском Успенском соборе есть запечатанные пакеты, которые в случае смерти Александра повелено было распечатать, прочесть и исполнить прежде всякого другого распоряжения.

«Все это прекрасно, – сказал я (так говорил граф Милорадович), – но прежде всего приглашаю ваше императорское высочество исполнить свой долг верноподданного. По государственному закону преемником престола является император Константин, и мы сперва исполним свой долг, присягнем ему в верности, а потом будем читать, что благоугодно было повелеть нам императору Александру». Сказав это, я взял великого князя под руку, и мы произнесли присягу, какой от нас требовал закон.

Министр внутренних дел князь Д. И. Лобанов-Ростовский на обсуждении возникшей ситуации на Государственном совете произнес знаменательную фразу: «Покойные государи воли не имеют!»

Из «Записок» Сергея Петровича Трубецкого

Молодые великие князья… не имели дара поселить к себе любовь, их особенно не любили военные. Однако же большая часть высшего круга желали иметь императором Николая. Надеялись, что при нем двор возвысится, что придворная служба получит опять прежний почет и выйдет из того ничтожества, в котором была при покойном государе и в которое еще бы более погрузилась при Константине.

> После страшной смерти любимого отца это грубое отстранение от престола, о котором он мечтал с юности, было вторым катастрофическим потрясением, выпавшим на долю Николая Павловича, безусловно сказавшимся на его характере – он перестал доверять кому бы то ни было. Когда через пять лет он получил донос на преданного ему А. Х. Бенкендорфа – обвиняли шефа жандармов не более не менее как в том, что он участник страшного заговора иллюминатов (неканоническое ответвление масонства), – то Николай отстранил главу политической полиции от расследования и поручил разбирательство по этому делу гвардейским генералам…
>
> С Константином у генералов ничего не вышло. Своей акцией они спровоцировали междуцарствие и дали повод для мятежа 14 декабря.
>
> Константин категорически отказался менять свое решение.
>
> Во-первых, его раз и навсегда ужаснула судьба отца. Во-вторых, он вообще не чувствовал в себе сил для подобной гигантской ответственности.
>
> Николай умолял его приехать в Петербург в качестве императора, которому присягнула вся страна, и официально отречься в пользу младшего брата, чтобы он, Николай, не выглядел узурпатором. Он хорошо знал, на что способна гвардия в критические моменты…
>
> Но для Константина такой поворот событий означал крушение всей его привычной и любимой им жизни. Бывший император – такого еще в русской истории не бывало! – уже не мог командовать польской армией и вообще занимать любой государственный пост. Единственным вариантом была вечная эмиграция. Константин этого не желал… Он ограничился полуофициальными письмами…

Письмо Его Императорского Высочества Цесаревича и Великого Князя КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА к Государыне Императрице Марии Федоровне, подтверждающее отречение от наследия Престола Его Высочества

Всемилостивейшая Государыня,

Вселюбезнейшая Родительница!

С сокрушенным сердцем получив вчерашнего числа в 7-м часов вечера поразившее Меня глубочайшею горестию от Начальника Главного Штаба Его Императорского Величества Генерал-Адъютанта Барона Дибича и Генерал-Адъютанта Князя Волконского уведомление и акт, при сем в оригиналах прилагаемые, о кончине обожаемого Нами Государя Императора АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, Моего Благодетеля, спешу разделить с Вашим Императорским Величеством постигшую Нас скорбь, прося Всевышнего, дабы Он Всемогущею Благодатью Своею подкрепил силы Наши к перенесению столь жестоко постигшего Нас рока.

Степень, на которую Меня возводит сие поразившее Нас несчастие, поставляет Меня в обязанность излить пред Вашим Императорским Величеством со всею откровенностью истинные чувствования Мои по сему важному предмету.

Небезызвестно Вашему Императорскому Величеству, что по собственному Моему побуждению просил Я блаженной памяти Государя Императора АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА об устранении Меня от права наследия Императорского Престола, на что и удостоился получить от 2 Февраля 1822 года собственноручный Высочайший Рескрипт, у сего в засвидетельствованной копии прилагаемый, в коем Его Императорское Величество изъявил на то Высочайшее Свое соизволение, объявя, что и Ваше Императорское Величество на то согласны, что самое и лично изволили Мне подтвердить. Притом воля покойного Государя Императора была, дабы помянутый Высочайший Рескрипт хранился у Меня в тайне до кончины Его Величества.

Обыкши с младенчества исполнять свято волю как покойного Родителя Моего, так и скончавшегося Государя Императора, а равно Вашего Императорского Величества, Я, не выходя и ныне из пределов оной, почитаю обязанностью Моею право Мое на наследие, согласно установленному Государственному акту о наследии Императорской Фамилии, уступить Его Императорскому Высочеству Великому Князю НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ и Наследникам Его.

С теми же чувствами откровенности вменяю в долг изъявить: что Я, не простирая ни до чего более Моих желаний, единственно сочту Себя счастливейшим, если удостоюсь продолжать выше тридцатилетнее Мое Служение блаженной памяти Государям Императорам, Родителю и Брату, ныне же Его Императорскому Величеству НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ, с таким же глубочайшим благоговением, живейшим усердием и беспредельною преданностью, которые во всех случаях Меня одушевляли и одушевлять будут до конца дней Моих.

Изъяснив таким образом истинные и непоколебимые чувствования Мои и повергая Себя к стопам Вашего Императорского Величества, всенижайше прошу, удостоив благосклонным Вашим принятием сие письмо, оказать Мне милость объявлением оного где следует для приведения в надлежащее исполнение; чем совершится в полной мере и силе соизволение Его Императорского Величества, покойного Государя и Благодетеля Моего, и вместе с тем согласие на оное Вашего Императорского Величества.

При сем осмеливаюсь также всенижайше представить Вашему Императорскому Величеству копию с письма Моего Его Императорскому Величеству Государю Императору НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ, вместе с сим посланного.

Есмь с глубочайшим благоговением,
Всемилостивейшая Государыня!
Вашего Императорского Величества

На подлинном собственною Его Императорского Высочества рукою подписано тако:

Всенижайший и всепокорнейший сын КОНСТАНТИН ЦЕСАРЕВИЧ
Варшава
26 Ноября 1825 г.

Грамота Его Императорского Высочества Цесаревича и Великого Князя КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА к Его Императорскому Величеству НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ, подтверждающая отречение от наследия Престола Его Императорского Высочества

Любезнейший Брат!

С неизъяснимым сокрушением сердца получил Я вчерашнего числа вечером в 7 часов горестное уведомление о последовавшей кончине обожаемого Государя Императора АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, Моего Благодетеля.

Спеша разделить с Вами таковую постигшую Нас тягчайшую скорбь, Я поставляю долгом Вас уведомить, что вместе с сим отправил Я письмо к Ея Императорскому Величеству, Вселюбезнейшей Родительнице Нашей, с изъявлением непоколебимой Моей воли в том, что по силе Высочайшего собственноручного Рескрипта покойного Государя Императора, от 2

Февраля 1822 года ко Мне последовавшего на письмо Мое к Его Императорскому Величеству об устранении Меня от наследия Императорского Престола, которое было предъявлено Родительнице Нашей, удостоилось как согласия, так и личного Ея Величества Мне о том подтверждения, уступаю Вам право Мое на наследие Императорского Всероссийского Престола и прошу Любезнейшую Родительницу Нашу о всем том объявить где следует, для приведения сей непоколебимой Моей воли в надлежащее исполнение.

Изложив сие, непременною за тем обязанностию поставляю всеподданнейше просить Вашего Императорского Величества удостоить принять от Меня первого верноподданническую МОЮ присягу и, дозволив Мне изъяснить, что, не простирая никакого желания к новым званиям и титулам, ограничиться тем титулом Цесаревича, коим удостоен Я за службу покойным Нашим Родителем.

Единственным Себе счастием навсегда поставляю, ежели Ваше Императорское Величество удостоите принять чувства глубочайшего Моего благоговения и беспредельной преданности, в удостоверение коих представляю залогом свыше 30-летнюю Мою верную службу и живейшее усердие, блаженной памяти Государям Императорам Родителю и Брату оказанные, с коими до последних дней Моих не престану продолжать Вашему Императорскому Величеству и Потомству Вашему Мое служение при настоящей Моей обязанности и месте.

Есмь с глубочайшим благоговением,
Всемилостивейший Государь!
Вашего Императорского Величества

На подлинном рукою Его Императорского Высочества подписано тако:

Вернейший подданный
КОНСТАНТИН ЦЕСАРЕВИЧ
Варшава
26 Ноября 1825 г.

КЛЯТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хощу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ, Самодержцу Всероссийскому, и Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику, Его Императорскому Высочеству, Великому Князю АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности, предостерегать и оборонять, и притом но крайней мере старатися споспешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе Государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать тщатися, и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин, как по сей (генеральной, так и по особливой) определенной и от времени до времени Его Императорского Величества Именем от предуставленных надо мною Начальников, определяемым Инструкциям и Регламентам, и указам, надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды, противно должности своей и присяги не поступать, и таким

образом себя весть и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит, и как я пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь.

14 декабря

Пока кандидаты на престол обменивались бесконечными посланиями, Северное тайное общество собирало силы, привлекало офицеров гвардейских полков и агитировало солдат против новой присяги.

Для русского солдата это было дело неслыханное – присяга была священной клятвой, принесенной не только перед императором, но и перед Богом. Двумя неделями ранее гвардия присягнула Константину, поклявшись в вечной и безусловной верности, а тут пошли слухи, что через какие-нибудь две недели надо принимать новую присягу. А как же прежняя? Освободить от нее мог только сам император Константин, серебряные рубли с профилем которого уже чеканили на Монетном дворе. Но, как мы знаем, Константин категорически отверг этот вариант.

Гвардия роптала. Этим и воспользовались члены тайного общества.

А Николай понимал, что он выглядит узурпатором и попытка занять престол может стоить ему жизни. К этому времени в России уже убили трех законных императоров – Иоанна Антоновича, Петра III и Павла I. Чего же ждать претенденту на престол, чье право сомнительно. Тень любимого отца, убитого своими приближенными, не раз вставала в эти дни перед внутренним взором Николая.

Из «Записок» Николая I

Город казался тих; так, по крайней мере, уверял граф Милорадович, уверяли и те немногие, которые ко мне хаживали, ибо я не считал приличным показываться и почти не выходил из комнат. Но в то же время бунтовщики были уже в сильном движении, и непонятно, что никто сего не видел. Оболенский, бывший тогда адъютантом у генерала Бистрома, командовавшего всею пехотой гвардии, один из злейших заговорщиков, ежедневно бывал во дворце, где тогда обычай был сбираться после развода в так называемой Конногвардейской комнате. Там, в шуме сборища разных чинов офицеров и других, ежедневно приезжавших во дворец узнавать о здоровье матушки, но еще более приезжавших за новостями, с жадностью Оболенский подхватывал все, что могло быть полезным к успеху заговора, и сообщал соумышленникам узнанное. Сборища их бывали у Рылеева. Другое лицо, изверг во всем смысле слова, Якубовский[2], в то же время умел хитростью своей и некоторою наружностью смельчака втереться в дом графа Милорадовича и, уловив доброе сердце графа, снискать даже некоторую его в себе доверенность. Чего Оболенский не успевал узнать во дворце, то Якубовский изведывал от графа, у которого, как говорится, часто *сердце было на языке*.

Мы были в ожидании ответа Константина Павловича на присягу, и иные ожидали со страхом, другие – и я смело ставлю себя в число последних – со спокойным духом, что он велит. В сие время прибыл Михаил Павлович. Ему вручил Константин Павлович свой ответ в письме к матушке и несколько слов ко мне. Первое движение всех – а справедливое нетерпение сие извиняло – было броситься во дворец; всякий спрашивал, присягнул ли Михаил Павлович.

– Нет, – отвечали приехавшие с ним.

Матушка заперлась с Михаилом Павловичем; я ожидал в другом покое – и тонко ожидал решения своей участи. Минута неизъяснимая. Наконец дверь отперлась, и матушка мне сказала:

[2] Так в оригинале. Имеется в виду Александр Иванович Якубович. – *Примеч. сост.*

– En bien, Nicolas, prosterner vous devant votre frère, car il respectable et sublime dans son inalterable de ter mination de vous abandoner le trône[3].

Признаюсь, мне слова сии было тяжело слушать, и я в том винюсь; но я себя спрашивал, кто большую приносит из нас двух жертву: тот ли, который отвергал наследство отцовское под предлогом своей неспособности и который, раз на сие решившись, повторял только свою неизменную волю и остался в том положении, которое сам себе создал сходно всем своим желаниям, – или тот, который, вовсе не готовившийся на звание, на которое по порядку природы не имел никакого права, которому воля братняя была всегда тайной и который неожиданно, в самое тяжелое время и в ужасных обстоятельствах должен был жертвовать всем, что ему было дорого, дабы покориться воле другого? Участь страшная, и смею думать и ныне, после 10 лет, что жертва моя была в моральном, в справедливом смысле гораздо тягче.

Я отвечал матушке:

– Avant que de me prosterner, maman, veuillez me permettre de savoir pourquoi je devrais le faire, car je ne sais lequel des sacrifices est le plus grand: de celui qui refuse ou de celui qui accepte en pareilles circonstances![4]

Нетерпение всех возрастало и дошло до крайности, когда догадывались по продолжительности нашего присутствия у матушки, что дело еще не решилось. Действительно, брат Константин Павлович прислал ответ на письмо матушки хотя и официально, но на присягу, ему данную, не было ответа, ни манифеста, словом ничего, что бы в лице народа могло служить актом удостоверения, что воля его непременна, и отречение, оставшееся при жизни императора Александра тайною для всех, есть и ныне непременной его волей. Надо было решить, что делать, как выйти из затруднения, опаснейшего в своих последствиях и которым, как увидим ниже, заговорщики весьма хитро воспользовались.

После долгих прений я остался при том мнении, что брату должно было объявить манифестом, что, оставаясь непреклонным в решимости, им уже освященной отречением, утвержденным духовной императора Александра, он повторяет оное и ныне, не принимая данной ему присяги. Сим, казалось мне, торжественно утверждалась воля его и отымалась всякая возможность к усумлению.

Но брат избрал иной способ: он прислал письмо официальное к матушке, другое – ко мне, и, наконец, род выговора князю Лопухину как председателю Государственного совета. Содержание двух первых актов известно; вкратце содержали они удостоверение в неизменной его решимости, и в письме к матушке упоминалось, что решение сие в свое время получило ее согласие. В письме, ко мне писанном как к императору, упоминалось только в особенности о том, что его высочество просил оставить его *при прежде занимаемом им месте и звании.*

Однако удалось мне убедить матушку, что одних сих актов без явной опасности публиковать нельзя и что должно непременно стараться убедить брата прибавить к тому другой в виде манифеста, с изъяснением таким, которое было развязывало от присяги, ему данной. Матушка и я, мы убедительно о том писали к брату; и фельдъегерский офицер Белоусов отправлен с сим. Между тем решено было нами акты сии хранить у нас в тайне.

Но как было изъяснить наше молчание пред публикой? Нетерпение и неудовольствие были велики и весьма извинительны. Пошли догадки, и в особенности обстоятельство *неприсяги* Михаила Павловича навело на всех сомнение, что скрывают отречение Константина Павловича. Заговорщики решили сие же самое употребить орудием для своих замыс-

[3] Ну, Николай, преклонитесь пред вашим братом: он заслуживает почтения и высок в своем неизменном решении предоставить вам трон (*фр.*).

[4] Прежде чем преклоняться, позвольте мне, матушка, узнать, почему я это должен сделать, ибо я не знаю, чья из двух жертв больше: того ли, кто отказывается (от трона), или того, кто принимает (его) при подобных обстоятельствах (*фр.*).

лов. Время сего ожидания можно считать настоящим междуцарствием, ибо повелений от императора, которому присяга принесена была, по расчету времени должно было получать – но их не приходило; дела останавливались совершенно; все было в недоумении, и к довершению всего известно было, что Михаил Павлович отъехал уже тогда из Варшавы, когда и кончина императора Александра, и присяга Константину Павловичу там уже известны были. Каждый извлекал из сего, что какое-то особенно важное обстоятельство препятствовало к восприятию законного течения дел, но никто не догадывался настоящей причины.

Однако дальнейшее присутствие Михаила Павловича становилось тягостным и для него, и для нас всех, и потому решено было ему выехать будто в Варшаву, под предлогом успокоения брата Константина Павловича насчет здоровья матушки, и остановиться на станции Неннале, дабы удалиться от беспрестанного принуждения и вместе с тем для остановления по дороге всех тех, кои, возвращаясь из Варшавы, могли повестить в Петербурге настоящее положение дел. Сия же предосторожность принудила останавливать все письма, приходившие из Варшавы; и эстафет, еженедельно приходивший с бумагами, из канцелярии Константина Павловича приносим был ко мне. Бумаги, не терпящие отлагательства, должен был я лично вручать у себя тем, к коим адресовались, и просить их вскрывать в моем присутствии. Положение самое несносное!

Так прошло 8 или 9 дней. В одно утро, часов в 6, был я разбужен внезапным приездом из Таганрога лейб-гвардии Измайловского полка полковника барона Фредерикса с пакетом «о самонужнейшем» от генерала Дибича, начальника Главного штаба, и адресованным в собственные руки императору!

Спросив полковника Фредерикса, знает ли он содержание пакета, получил в ответ, что ничего ему неизвестно, но что такой же пакет послан в Варшаву, по неизвестности в Таганроге, где находился государь. Заключив из сего, что пакет содержит обстоятельство особой важности, я был в крайнем недоумении, на что мне решиться. Вскрыть пакет на имя императора был поступок столь отважный, что решиться на сие казалось мне последнею крайностию, к которой одна необходимость могла принудить человека, поставленного в самое затруднительное положение, и – пакет вскрыт!

Пусть изобразят себе, что должно было произойти во мне, когда, бросив глаза на включенное письмо от генерала Дибича, увидел я, что дело шло о существующем и только что открытом пространном заговоре, которого отрасли распространялись чрез всю империю, от Петербурга на Москву и до Второй армии в Бессарабии.

Тогда только почувствовал я в полной мере всю тягость своей участи и с ужасом вспомнил, в каком находился положении. Должно было действовать, не теряя ни минуты, с полною властью, с опытностью, с решимостью – я не имел ни власти, ни права на оную; мог только действовать чрез других, из одного доверия ко мне обращавшихся, без уверенности, что совету моему последуют; и притом чувствовал, что тайну подобной важности должно было наитщательнейше скрывать от всех, даже от матушки, дабы ее не испугать или преждевременно заговорщикам не открыть, что замыслы их уже не скрыты от правительства. К кому мне было обратиться – одному, совершенно одному без совета!

Граф Милорадович казался мне, по долгу его звания, первым, до сведения которого содержание сих известий довести должно было; князь Голицын, как начальник почтовой части и доверенное лицо императора Александра, казался мне вторым. Я их обоих пригласил к себе, и втроем принялись мы за чтение приложений к письму. Писанные рукою генерал-адъютанта графа Чернышева для большей тайны, в них заключалось изложение открытого обширного заговора чрез два разных источника: показаниями юнкера Шервуда, служившего в Чугуевском военном поселении, и открытием капитана Майбороды, служившего в тогдашнем 3-м пехотном корпусе. Известно было, что заговор касается многих лиц в Петербурге и наиболее в Кавалергардском полку, но в особенности в Москве, в главной квар-

тире 2-й армии и в части войск, ей принадлежащих, а также в войсках 3-го корпуса. Показания были весьма неясны, неопределительны; но, однако, еще за несколько дней до кончины своей покойный император велел генералу Дибичу, по показаниям Шервуда, послать полковника лейб-гвардии Измайловского полка Николаева (Николаев был полковником лейб-гвардии Казачьего полка. – *Я. Г.*) взять известного Вадковского, за год выписанного из Кавалергардского полка. Еще более ясны были подозрения на главную квартиру 2-й армии, и генерал Дибич уведомлял, что вслед за сим решился послать графа Чернышева в Тульчин, дабы уведомить генерала Витгенштейна о происходящем и арестовать князя С. Волконского, командовавшего бригадой, и полковника Пестеля, в оной бригаде командовавшего Вятским полком.

Подобное извещение, в столь затруднительное и важное время, требовало величайшего внимания, и решено было узнать, кто из поименованных лиц в Петербурге, и немедля их арестовать; а как о капитане Майбороде ничего не упоминалось, а должно было полагать, что чрез него получатся еще важнейшие сведения, то решился граф Милорадович послать адъютанта своего генерала Мантейфеля к генералу Роту, дабы, приняв Майбороду, доставить в Петербург. Из петербургских заговорщиков по справке никого не оказалось налицо: все были в отпуску, а именно Свистунов, Захар Чернышев и Никита Муравьев, что более еще утверждало справедливость подозрений, что они были в отсутствии для съезда, как в показаниях упоминалось. Граф Милорадович должен был верить столь ясным уликам в существовании заговора и в вероятном участии и других лиц, хотя об них не упоминалось; он обещал обратить все внимание полиции, но все осталось тщетным и в прежней беспечности.

Наконец наступил роковой для меня день. По обыкновению, обедали мы вдвоем с женой, как приехал Белоусов. Вскрыв письмо брата, удостоверился я с первых строк, что участь моя решена, но что единому Богу известно, как воля Константина Павловича исполнится, ибо вопреки всем нашим убеждениям решительно отказывал в новом акте, упираясь на то, что, не признавая себя императором, отвергая присягу, ему данную, как такую, которая неправильно ему принесена была, не считает себя вправе и не хочет другого изречения непреклонной своей воли, как обнародование духовной императора Александра и приложен[ного] к оному акта отречения своего от престола. Я предчувствовал, что, повинуясь воле братней, иду на гибель, но нельзя было иначе, и долг повелевал сообразить единственно, как исполнить сие с меньшею опасностью недоразумений и ложных наветов. Я пошел к матушке и нашел ее в том же убеждении, но довольною, что наступил конец нерешимости.

Изготовив вскорости проект манифеста, призвал я к себе М. М. Сперанского и ему поручил написать таковой, придерживаясь моих мыслей; положено было притом публиковать духовную императора Александра, письмо к нему Константина Павловича с отречением и два его же письма – к матушке и ко мне как к императору…

Письмо Николая Павловича министру двора генерал-адъютанту Петру Михайловичу Волконскому. 12 декабря 1825 года

Воля Божия и приговор братний надо мной совершается! 14-го числа я буду государь или мертв. Что во мне происходит, описать нельзя; вы, вероятно, надо мной сжалитесь – да, мы все несчастные, – но нет несчастливее меня! Да будет воля Божия!

> Повторим еще раз – великий князь слишком хорошо помнил судьбу своих деда и отца.
>
> Он ясно представлял себе, что может произойти, если гвардия не поверит отречению Константина и в глазах солдат и офицеров он, Николай, предстанет узурпатором, вынуждающим их нарушить присягу…

Декабря 12. Манифест «О вступлении на Престол Государя Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА»

Объявляем всех верным Нашим подданным. В сокрушении сердца, смиряясь пред неисповедимыми судьбами Всевышнего, среди всеобщей горести, Нас, Императорский Наш Дом и любезное Отечество Наше объявшей, в едином Боге Мы ищем твердости и утешения. Кончиною в Бозе почившего Государя Императора АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, Любезнейшего Брата Нашего, Мы лишилися Отца и Государя, двадесять пять лет России и Нам благотворившего.

Когда известие о сем плачевном событии, в 27-й день Ноября месяца, до Нас достигло, в самый первый час скорби и рыданий, Мы, укрепляясь духом для исполнения долга священного и следуя движению сердца, принесли присягу верности Старейшему Брату Нашему, Государю, Цесаревичу и Великому Князю КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ, яко законному, по праву первородства, Наследнику Престола Всероссийского.

По совершении сего священного долга известились Мы от Государственного Совета, что в 15-й день Октября 1825 года предъявлен оному, за печатью покойного Государя Императора, конверт с таковою на оном Собственноручною Его Величества надписью: *Хранить в Государственном Совете до Моего востребования, а в случае Моей кончины раскрыть прежде всякого другого действия в чрезвычайном Собрании;* что сие Высочайшее Повеление Государственным Советом исполнено, и в оном конверте найдено: 1) Письмо Цесаревича и Великого Князя КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА к покойному Государю Императору от 14 Генваря 1822 года, в коем Его Высочество отрекается от наследия Престола, по праву первородства Ему принадлежащего. 2) Манифест, в 16-й день Августа 1823 года Собственноручным Его Императорского Величества подписанием утвержденный, в коем Государь Император, изъявляя Свое согласие на отречение Цесаревича и Великого Князя КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА, признает Наследником Нас, яко по Нем старейшего и по коренному закону к наследию ближайшего. Вместе с сим донесено Нам было, что таковые же акты и с тою же надписью хранятся в Правительствующем Сенате, Святейшем Синоде и в Московском Успенском Соборе. Сведения сии не могли переменить принятой Нами меры. Мы в актах сих видели отречение Его Высочества, при жизни Государя Императора учиненное и согласием Его Величества утвержденное; но не желали и не имели права сие отречение, в свое время всенародно не объявленное и в закон не объявленное, признавать навсегда невозвратным. Сим желали Мы утвердить уважение Наше к первому коренному Отечественному закону, о непоколебимости в порядке наследия Престола. И вследствие того, пребывая верными присяге, Нами данной, Мы настояли, чтобы и все Государство последовало Нашему примеру; и сие учинили Мы не в пререкание действительности воли, изъявленной Его Высочеством, и еще менее в преслушание воли покойного Государя Императора, Общего Нашего Отца и Благодетеля, воли, для Нас всегда священной, но дабы оградить коренный закон о порядке наследия Престола от всякого прикосновения, дабы отклонить самую тень сомнения в чистоте намерений Наших и дабы предохранить любезное Отечество Наше от малейшей, даже и мгновенной неизвестности о Законном его Государе. Сие решение, в чистой совести, пред Богом Сердцеведцем Нами принятое, удостоено и личного Государыни Императрицы МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ, Любезнейшей Родительницы Нашей, Благословения.

Между тем горестное известие о кончине Государя Императора достигло в Варшаву, прямо из Таганрога 25 Ноября, двумя днями прежде, нежели сюда. Пребывая непоколебимо в намерении Своем, Государь, Цесаревич и Великий Князь КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ, на другой же день, от 26 Ноября, признал за благо снова утвердить оное двумя актами, Любезнейшему Брату Нашему Великому Князю МИХАИЛУ ПАВЛОВИЧУ для доставления сюда врученными. Акты сии суть следующие: 1) Письмо к Государыне Императрице, Любезнейшей Родительнице Нашей, в коей Его Высочество, возобновляя прежнее Его реше-

ние и укрепляя силу оного Грамотою покойного Государя Императора, в ответ на письмо Его Высочества, во 2-й день Февраля 1822 года состоявшеюся и в списке притом приложенною, снова и торжественно отрекается от наследия Престола, присвояя оное в порядке, коренным законом установленном, уже Нам и Потомству Нашему. 2) Грамота Его Высочества к Нам; в оной, повторяя те же самые изъявления воли, Его Высочество дает Нам Титул Императорского Величества; Себе же предоставляет прежний и именует Себя вернейшим Нашим подданным.

Сколь ни положительны сии Акты, сколь ни ясно в них представляется отречение Его Высочества непоколебимым и невозвратным; Мы признали, однако же, чувствам Нашим и самому положению дела сходственным приостановиться возвещением оных, доколе не будет получено окончательное изъявление воли Его Высочества на присягу, Нами и всем Государством принесенную.

Ныне, получив и сие окончательное изъявление непоколебимой и невозвратной Его Высочества воли, возвещаем о том всенародно, прилагая при сем: 1) Грамоту Его Императорского Высочества Цесаревича и Великого Князя КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА к покойному Государю Императору АЛЕКСАНДРУ Первому. 2) Ответную Грамоту Его Императорского Величества. 3) Манифест покойного Государя Императора, отречение Его Высочества, утверждающий и Нас Наследником признавающий. 4) Письмо Его Высочества к Государыне Императрице, Любезнейшей Родительнице Нашей. 5) Грамоту Его Высочества к Нам.

В последствие всех сих Актов и по коренному закону Империи, о порядке наследия, с сердцем, исполненным благоговения и покорности к неисповедимым судьбам Промысла, Нас ведущего, вступая на Прародительский Наш Престол Всероссийской Империи и на нераздельные с ним Престолы Царства Польского и Великого Княжества Финляндского, повелеваем: 1) Присягу в верности подданства учинить Нам и Наследнику Нашему, Его Императорскому Высочеству Великому Князю АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ, Любезнейшему Сыну Нашему. 2) Время вступления Нашего на Престол считать с 19 Ноября 1825 года.

Наконец Мы призываем всех Наших верных подданных соединить с Нами теплые мольбы их ко Всевышнему, да ниспошлет Нам силы к понесению бремени, Святым Промыслом Его на Нас возложенного; да укрепит благие намерения Наши жить единственно для любезного Отечества, следовать примеру оплакиваемого Нами Государя; да будет Царствование Наше токмо продолжением Царствования Его, и да исполнится все, чего для блага России желал Тот, Коего священная память будет питать в Нас и ревность и надежду, стяжать благословенье Божие и любовь народов Наших. Дан в Царствующем граде Санкт-Петербурге, в дванадесятый день Декабря месяца, в 1825 лето от Рождества Христова, Царствования же Нашего в первое.

Из «Записок» Николая I

…Прошел вечер 12 декабря; послано было к Михаилу Павловичу, дабы его воротить, и надежда оставалась, что он успеет воротиться на другой день, т. е. в воскресенье 13-го числа. Между тем весть о приехавшем фельдъегере распространилась по городу, и всякий убедился в том, что подозрения обратились в истину.

Гвардией командовал генерал Воинов, человек почтенный и храбрый, но ограниченных способностей и не успевший приобресть никакого веса в своем корпусе. Призвав его к себе, поставил его в известность воли Константина Павловича и условился, что на другой же день, т. е. в понедельник, соберет ко мне всех генералов и полковых командиров гвардии, дабы лично мне им объяснить весь ход происходившего в нашей семье и поручить им растолковать сие ясным образом своим подчиненным, дабы не было предлога к беспорядку.

Требован был также ко мне митрополит Серафим для нужного предварения и, наконец, князь Лопухин, с которым условлено было собрать Совет к 8 часам вечера, куда я намерен был явиться вместе с братом Михаилом Павловичем как личным свидетелем и вестником братней воли.

Но Богу угодно было повелеть иначе. Мы ждали Михаила Павловича до половины одиннадцатого ночи, и его не было. Между тем весь город знал, что Государственный совет собран, и всякий подозревал, что настала решительная минута, где томительная неизвестность должна кончиться. Нечего было делать, и я должен был следовать один.

Тогда Государственный совет сбирался в большом покое, который ныне служит гостиной младшим моим дочерям. Подойдя к столу, я сел на первое место, сказав:

– Я выполняю волю брата Константина Павловича.

И вслед за тем начал читать манифест о моем восшествии на престол. Все встали, и я также. Все слушали в глубоком молчании и по окончании чтения глубоко мне поклонились, при чем отличился Н. С. Мордвинов, против меня бывший, всех первый вскочивший и ниже прочих отвесивший поклон, так что оно мне странным показалось.

Засим должен был я прочесть отношение Константина Павловича к князю Лопухину, в котором он самым сильным образом выговаривал ему, что ослушался будто воли покойного императора Александра, отослав к нему духовную и акт отречения и принеся ему присягу, тогда как на сие права никто не имел.

Кончив чтение, возвратился я в занимаемые мною комнаты, где ожидали меня матушка и жена. Был 1-й час и понедельник, что многие считали дурным началом. Мы проводили матушку на ее половину, и хотя не было еще объявлено о моем вступлении, комнатные люди матушки, с ее разрешения, нас поздравляли.

Во внутреннем конногвардейском карауле стоял в то время князь Одоевский, самый бешеный заговорщик, но никто сего не знал; после только вспомнили, что он беспрестанно расспрашивал придворных служителей о происходящем. Мы легли спать и спали спокойно, ибо у каждого совесть была чиста, и мы от глубины души предались Богу.

Николай Павлович – Александре Федоровне в ночь с 13 на 14 декабря

Неизвестно, что ожидает нас. Обещай мне проявить мужество и, если придется умереть, – умереть с честью.

Из «Записок» Николая Ивановича Греча

Ненависть к великому князю Николаю Павловичу была так велика, что ему предпочли бестолкового, взбалмошного Константина. Когда утром 14 декабря на ектенье у обедни в церкви Симеона и Анны провозгласили императора Николая, многие люди, и образованные и простые, со страхом побежали из храма.

Из «Записок» Николая I

Наконец наступило 14 декабря, роковой день! Я встал рано и, одевшись, принял генерала Воинова; потом вышел в залу нынешних покоев Александра Николаевича, где собраны были все генералы и полковые командиры гвардии. Объяснив им словесно, каким образом, по непременной воле Константина Павловича, которому незадолго вместе с ними я присягал, нахожусь ныне вынужденным покориться его воле и принять престол, к которому, за его отречением, нахожусь ближайшим в роде; засим прочитал им духовную покойного императора Александра и акт отречения Константина Павловича. Засим, получив от каждого уверение в преданности и готовности жертвовать собой, приказал ехать по своим командам и привесть к присяге.

От двора повелено было всем имеющим право на приезд собраться во дворец к 11 часам. В то же время Синод и Сенат собирались в своем месте для присяги.

Вскоре за сим прибыл ко мне граф Милорадович с новыми уверениями совершенного спокойствия. Засим был я у матушки, где его снова видел, и воротился к себе. Приехал генерал Орлов, командовавший конной гвардией, с известием, что полк принял присягу; поговорив с ним довольно долго, я его отпустил. Вскоре за ним явился ко мне командовавший гвардейской артиллерией генерал-майор Сухозанет, с известием, что артиллерия присягнула, но что в гвардейской конной артиллерии офицеры оказали сомнение в справедливости присяги, желая сперва слышать удостоверение сего от Михаила Павловича, которого считали удаленным из Петербурга, как будто из несогласия его на мое вступление. Многие из сих офицеров до того вышли из повиновения, что генерал Сухозанет должен был их всех арестовать. Но почти в сие же время прибыл наконец Михаил Павлович, которого я просил сейчас же отправиться в артиллерию для приведения заблудших в порядок.

Спустя несколько минут после сего явился ко мне генерал-майор Нейдгарт, начальник штаба гвардейского корпуса и, взойдя ко мне совершенно в расстройстве, сказал:

– Sire, le regiment de Moscou est en plein insurrection; Chenchin et Frederichs (тогдашний бригадный и полковой командиры) sont grièvement blesses, et les mutins marchent vers le Senat, j'ai à peine pu les devancer pour vous le dire. Ordonnez, de gràce, au l-er bataillon Preo bra jensky et à la gardeà – cheval de marcher contre[5].

Меня весть сия поразила, как громом, ибо с первой минуты я не видел в сем первом ослушании действие одного сомнения, которого всегда опасался, но, зная существование заговора, узнал в сем первое его доказательство.

Разрешив первому батальону Преображенскому выходить, дозволил конной гвардии седлать, но не выезжать; и к сим отправил генерала Нейдгарта, послав в то же время генерал-майора Стрекалова, дежурного при мне, в Преображенский батальон для скорейшего исполнения. Оставшись один, я спросил себя, что мне делать, и, перекрестясь, отдался в руки Божии, решил сам идти туда, где опасность угрожала.

Но должно было от всех скрыть настоящее положение наше, и в особенности от матушки, и, зайдя к жене, сказал:

– Il y a du bruit au regiment de Moscou: je veux y aller[6].

С сим пошел я на Салтыковскую лестницу; в передней найдя командира Кавалергардского полка флигель-адъютанта генерала Апраксина, велел ему ехать в полк и сейчас его вести ко мне. На лестнице встретил я Воинова в совершенном расстройстве. Я строго припомнил ему, что место его не здесь, а там, где войска, ему вверенные, вышли из повиновения. За мной шел генерал-адъютант Кутузов; с ним пришел я на дворцовую главную гауптвахту, в которую только что вступила 9-я егерская рота лейб-гвардии Финляндского полка под командой капитана Прибыткова. Полк сей был в моей дивизии. Вызвав караул под ружье и приказав себе отдать честь, прошел по фронту, испросив людей, присягали ль мне и знают ли, отчего сие было и что по точной воле сие брата Константина Павловича, получил в ответ, что знают и присягнули. Засим сказал я им:

– Ребята, московские шалят; не перенимать у них и свое дело делать молодцами!

Велел зарядить ружья и, сам скомандовав: «Дивизия вперед, скорым шагом марш!» – повел караул левым плечом вперед к главным воротам дворца. В сие время разводили еще часовых, и налицо была только остальная часть людей.

---

[5] Ваше величество! Московский полк в полном восстании; Шеншин и Фредерикс тяжело ранены, и мятежники идут к Сенату; я едва их обогнал, чтобы донести вам об этом. Прикажите, пожалуйста, двинуться против них первому батальону Преображенского полка и конной гвардии (*фр.*).

[6] В Московском полку волнение; я отправляюсь туда (*фр.*).

Съезд ко дворцу уже начинался, и вся площадь усеяна была народом и перекрещавшимися экипажами. Многие из любопытства заглядывали на двор и, увидя меня, вошли и кланялись мне в ноги. Поставя караул поперек ворот, обратился я к народу, который, меня увидя, начал сбегаться ко мне и кричать ура. Махнув рукой, я просил, чтобы мне дали говорить. В то же время пришел ко мне граф Милорадович и, сказав:

– Cela va mal; ils marchent au Senat, mais je vais leur parler[7], – ушел, и я более его не видал, как отдавая ему последний долг.

Надо было мне выигрывать время, дабы дать войскам собраться, нужно было отвлечь внимание народа чем-нибудь необыкновенным – все эти мысли пришли мне как бы вдохновением, и я начал говорить народу, спрашивая, читали ль мой манифест. Все говорили, что нет; пришло мне на мысль самому его читать. У кого-то в толпе нашелся экземпляр; я взял его и начал читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый Бог меня поддержал…

Наконец Стрекалов повестил меня, что Преображенский 1-й батальон готов. Приказав коменданту генерал-лейтенанту Башуцкому остаться при гауптвахтеи не трогаться с места без моего приказания, сам пошел сквозь толпу прямо к батальону, ставшему линией спиной к комендантскому подъезду, левым флангом к экзерциргаузу. Батальоном командовал полковник Микулин, и полковой командир полковник Исленьев был при батальоне. Батальон мне отдал честь; я прошел по фронту и, спросив, готовы ли идти за мною, куда велю, получил в ответ громкое молодецкое:

– Рады стараться!

Минуты единственные в моей жизни! Никакая кисть не изобразит геройскую, почтенную и спокойную наружность сего истинно первого батальона в свете, в столь критическую минуту.

Скомандовав по-тогдашнему: «К атаке в колонну, первый и осьмой взводы, вполоборота налево и направо!» – повел я батальон левым плечом вперед мимо заборов тогда достраивавшегося дома Министерства финансов и иностранных дел к углу Адмиралтейского бульвара. Тут, узнав, что ружья не заряжены, велел батальону остановиться и зарядить ружья. Тогда же привели мне лошадь, но все прочие были пеши. В то же время заметил я [у] угла дома Главного штаба полковника князя Трубецкого; ниже увидим, какую он тогда играл ролю.

Зарядив ружья, пошли мы вперед. Тогда со мною были генерал-адъютанты Кутузов, Стрекалов, флигель-адъютант Дурново и адъютанты мои – Перовский и Адлерберг. Адъютанта моего Кавелина послал я к себе в Аничкин дом, перевесть детей в Зимний дворец. Перовского послал я в конную гвардию с приказанием выезжать ко мне на площадь. В сие самое время услышали мы выстрелы, и вслед за сим прибежал ко мне флигель-адъютант князь Голицын Генерального штаба с известием, что граф Милорадович смертельно ранен.

Народ прибавлялся со всех сторон; я вызвал стрелков на фланги батальона и дошел таким образом до угла Вознесенской. Не видя еще конной гвардии, я остановился и послал за нею одного бывшего при мне конным старого рейткнехта из конной гвардии Лондыря с тем, чтобы полк скорее шел. Тогда же слышали мы ясно «Ура, Константин!» на площади против Сената, и видна была стрелковая цепь, которая никого не подпускала.

В сие время заметил я слева против себя офицера Нижегородского драгунского полка, которого черным обвязанная голова, огромные черные глаза и усы и вся наружность имели что-то особенно отвратительное. Подозвав его к себе, узнал, что он Якубовский, но не знав, с какой целью он тут был, спросил его, чего он желает. На сие он мне дерзко сказал:

– Я был с *ними*, но, услышав, что они за Константина, бросил и явился к вам.

[7] Дело плохо; они идут к Сенату, но я буду говорить с ними (*фр.*).

Я взял его за руку и сказал:

– Спасибо, вы ваш долг знаете.

От него узнали мы, что Московский полк почти весь участвует в бунте и что с ними следовал он по Гороховой, где от них отстал. Но после уже узнато было, что настоящее намерение его было под сей личиной узнавать, что среди нас делалось, и действовать по удобности.

В это время генерал-адъютант Орлов привел конную гвардию, обогнув Исаакиевский собор и выехав на площадь между оным и зданием военного министерства, [ч]то тогда было домом князя Лобанова; полк шел в галоп и строился спиной к сему дому. Сейчас я поехал к нему и, поздоровавшись с людьми, сказал им, что ежели искренно мне присягнули, то настало время сие мне доказать на деле. Генералу Орлову велел я с полком идти на Сенатскую площадь и выстроиться так, чтобы пресечь елико возможно мятежникам сообщение с тех сторон, где их окружить было можно. Площадь тогда была весьма стеснена заборами от стороны собора, простиравшимися до угла нынешнего синодского здания; угол, образуемый бульваром и берегом Невы, служил складом выгружаемых камней для собора, и оставалось между сими материалами и монументом Петра Великого не более как шагов 50. На сем тесном пространстве, идя по шести, полк выстроился в две линии, правым флангом к монументу, левым достигая почти заборов.

Мятежники выстроены были в густой неправильной колонне спиной к старому Сенату. Тогда был еще один Московский полк. В сие самое время раздалось несколько выстрелов: стреляли по генерале Воинове, но не успели ранить тогда, когда он, подъехав, хотел уговаривать людей. Флигель-адъютант Бибиков, директор канцелярии Главного штаба, был ими схвачен и, жестоко избитый, от них вырвался и пришел ко мне; от него узнали мы, что Оболенский предводительствует толпой.

Тогда отрядил я роту его величества Преображенского полка с полковником Исленьевым, младшим полковником Титовым и под командой капитана Игнатьева чрез бульвар занять Исаакиевский мост, дабы отрезать сообщение с сей стороны с Васильевским островом и прикрыть фланг конной гвардии; сам же с прибывшим ко мне генерал-адъютантом Бенкендорфом выехал на площадь, чтоб рассмотреть положение мятежников. Меня встретили выстрелами.

В то же время послал я приказание всем войскам сбираться ко мне на Адмиралтейскую площадь и, воротясь на оную, нашел уже остальную часть Московского полка с большею частию офицеров, которых ко мне привел Михаил Павлович. Офицеры бросились мне целовать руки и ноги. В доказательство моей к ним доверенности поставил я их на самом углу у забора, против мятежников. Кавалергардский полк, 2-й батальон Преображенского стояли уже на площади; сей батальон послал я вместе с первым рядами направо примкнуть к конной гвардии. Кавалергарды оставлены были мной в резерве у дома Лобанова. Семеновскому полку велено было идти прямо вокруг Исаакиевского собора к манежу конной гвардии и занять мост. Я вручил команду с сей стороны Михаилу Павловичу. Павловского полка воротившиеся люди из караула, составлявшие малый батальон, посланы были по Почтовой улице и мимо конногвардейских казарм на мост у Крюкова канала и в Галерную улицу.

В сие время узнал я, что в Измайловском полку происходил беспорядок и нерешительность при присяге. Сколь мне сие ни больно было, но я решительно не полагал сего справедливым, а относил сие к тем же замыслам и потому велел генерал-адъютанту Левашову, ко мне явившемуся, ехать в полк и, буде есть какая-либо возможность, двинуть его, хотя бы против меня, непременно его вывесть из казарм. Между тем, видя, что дело становится весьма важным, и не предвидя еще, чем кончится, послал я Адлерберга с приказанием шталмейстеру князю Долгорукову приготовить загородные экипажи для матушки и жены и намерен был в крайности выпроводить их с детьми под прикрытием кавалергардов в Цар-

ское Село. Сам же, послав за артиллерией, поехал на Дворцовую площадь, дабы обеспечить дворец, куда велено было следовать прямо обоим саперным батальонам – гвардейскому и учебному. Не доехав еще до дома Главного штаба, увидел я в совершенном беспорядке со знаменами без офицеров Лейб-гранадерский полк, идущий толпой. Подъехав к ним, ничего не подозревая, я хотел остановить людей и выстроить; но на мое «Стой!» отвечали мне:

– Мы – за Константина!

Я указал им на Сенатскую площадь и сказал:

– Когда так – то вот вам дорога.

И вся сия толпа прошла мимо меня, сквозь все войска, и присоединилась без препятствия к своим одинако заблужденным товарищам. К счастию, что сие так было, ибо иначе бы началось кровопролитие под окнами дворца и участь бы наша была более чем сомнительна. Но подобные рассуждения делаются после; тогда же один Бог меня наставил на сию мысль.

Милосердие Божие оказалось еще разительнее при сем же случае, когда толпа лейб-гранадер, предводимая офицером Пановым, шла с намерением овладеть дворцом и в случае сопротивления истребить все наше семейство. Они дошли до главных ворот дворца в некотором устройстве, так что комендант почел их за присланный мною отряд для занятия дворца. Но вдруг Панов, шедший в голове, заметил лейб-гвардии саперный батальон, только что успевший прибежать и выстроившийся в колонне на дворе, и, закричав:

– Да это не наши! – начал ворочать входящие отделения кругом и бросился бежать с ними обратно на площадь. Ежели б саперный батальон опоздал только несколькими минутами, дворец и все наше семейство были б в руках мятежников, тогда как, занятый происходившим на Сенатской площади и вовсе безызвестный об угрожавшей с тылу оной важнейшей опасности, я бы лишен был всякой возможности сему воспрепятствовать. Из сего видно самым разительным образом, что ни я, ни кто не могли бы дела благополучно кончить, ежели б самому милосердию Божию не угодно было всем править к лучшему.

Здесь должен я упомянуть о славном поступке капитана лейб-гвардии Гренадерского полка князя Мещерского. Он командовал тогда ротою его величества, и когда полк, завлеченный в бунт ловкостью Панова и других соумышленников, отказался в повиновении своему полковнику Стюрлеру из опасения нарушить присягу своему законному государю Константину Павловичу, Мещерский догнал свою роту на дороге и убеждением и доверием, которое вселял в людей, успел остановить большую часть своей роты и несколько других и привел их ко мне. Я поставил его с саперами на почетное место – к защите дворца.

Воротившись к войскам, нашел я прибывшую артиллерию, но, к несчастию, без зарядов, хранившихся в лаборатории. Доколь послано было за ними, мятеж усиливался; к начальной массе Московского полка прибыл весь гвардейский экипаж и примкнул со стороны Галерной; а толпа гренадер стала с другой стороны. Шум и крик делались беспрестанны, и частые выстрелы перелетали чрез голову. Наконец народ начал также колебаться, и многие перебегали к мятежникам, пред которыми видны были люди невоенные. Одним словом, ясно становилось, что не сомнение в присяге было истинной причиной бунта, но существование другого важнейшего заговора делалось очевидным. «Ура Конституция!» – раздавалось и принималось чернию за ура, произносимое в честь супруги Константина Павловича!

Воротился генерал-адъютант Левашов с известием, что Измайловский полк прибыл в порядке и ждет меня у Синего моста. Я поехал к нему; полк отдал мне честь и встретил с радостными лицами, которые рассеяли во мне всякое подозрение. Я сказал людям, что хотели мне их очернить, что я сему не верю, что, впрочем, ежели среди их есть такие, которые хотят против меня идти, то я им не препятствую и дозволяю присоединиться к мятежникам. Громкое ура было мне ответом. Я при себе велел зарядить ружья и послал полк с генерал-майором Мартыновым, командиром бригады, на площадь, велев поставить в резерв

спиной к дому Лобанова. Сам же поехал к Семеновскому полку, уже стоявшему на своем месте.

Полк, под начальством полковника Шипова, прибыл в величайшей исправности и стоял у самого моста на канале, батальон за батальоном. Михаил Павлович был уже тут. С этого места было еще ближе видно, что с гвардейским экипажем, стоявшим на правом фланге мятежников, было много офицеров экипажа сего и других, но видны были и другие во фраках, расхаживавшие между солдат и уговаривавшие стоять твердо.

В то время как я ездил к Измайловскому полку, прибыл требованный мною митрополит Серафим из Зимнего дворца, в полном облачении и с крестом. Почтенный пастырь с одним поддиаконом вышел из кареты и, положа крест на голову, пошел прямо к толпе; он хотел говорить, но Оболенский и другие сей шайки ему воспрепятствовали, угрожая стрелять, ежели не удалится.

Михаил Павлович предложил мне подъехать к толпе в надежде присутствием своим разуверить заблужденных и полагавших быть верными присяге Константину Павловичу, ибо привязанность Михаила Павловича к брату была всем известна. Хотя страшился я для брата изменнической руки, ибо видно было, что бунт более и более усиливался, но, желая испытать все способы, я согласился и на сию меру и отпустил брата, придав ему генерал-адъютанта Левашова. Но и его увещания не помогли; хотя матросы начали было слушать, мятежники им мешали, и Кюхельбекер взвел курок пистолета и начал целить в брата, что, однако, три матроса ему не дали совершить.

Брат воротился к своему месту, а я, объехав вокруг собора, прибыл снова к войскам, с той стороны бывшим, и нашел прибывшим лейб-гвардии Егерский полк, который оставил на площади против Гороховой за пешей гвардейской артиллер[ийской] бригадой.

Погода из довольно сырой становилась холоднее; снегу было весьма мало, и оттого – весьма скользко; начинало смеркаться, ибо был уже 3-й час пополудни. Шум и крик делались настойчивее, и частые ружейные выстрелы ранили многих в конной гвардии и перелетали через войска; большая часть солдат на стороне мятежников стреляли вверх.

Выехав на площадь, желал я осмотреть, не будет ли возможности, окружив толпу, принудить к сдаче без кровопролития. В это время сделали по мне залп; пули просвистали мне чрез голову и, к счастию, никого из нас не ранило. Рабочие Исаакиевского собора из-за заборов начали кидать в нас поленьями. Надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни, и тогда окруженные ею войска были б в самом трудном положении.

Я согласился испробовать атаковать кавалериею. Конная гвардия первая атаковала поэскадронно, но ничего не могла произвести и по тесноте, и от гололедицы, но в особенности не имея отпущенных палашей. Противники в сомкнутой колонне имели всю выгоду на своей стороне и многих тяжело ранили, в том числе ротмистр Велио (ошибка Николая: Велио (Вельо) был полковником. – *Я. Г.*) лишился руки. Кавалергардский полк равномерно ходил в атаку, но без большого успеха.

Тогда генерал-адъютант Васильчиков, обратившись ко мне, сказал:

– Sier, il n'y a pas un moment à perdre; l'on n'y peut rien maintenant; il faut de la mitraille![8]

Я предчувствовал сию необходимость, но, признаюсь, когда настало время, не мог решиться на подобную меру, и меня ужас объял.

– Vous voulez que je verse le sang de mes sujets le premier jour de mon renge?[9] – отвечал я Васильчикову.

---

[8] Ваше величество, нельзя терять ни минуты; ничего не поделаешь: нужна картечь! (*фр.*)

[9] Вы хотите, чтобы я пролил кровь моих подданных в первый день моего царствования? (*фр.*)

– Pour sauver votre Empire[10], – сказал он мне.

Эти слова меня снова привели в себя; опомнившись, я видел, что или должно мне взять на себя пролить кровь некоторых и спасти почти наверно *все*; или, *пощадив себя*, жертвовать решительно государством.

Послав одно орудие 1-й легкой пешей батареи к Михаилу Павловичу с тем, чтобы усилить сию сторону, как единственное отступление мятежникам, взял другие три орудия и поставил их пред Преображенским полком, велев зарядить картечью; орудиями командовал штабс-капитан Бакунин.

Вся во мне надежда была, что мятежники устрашатся таких приготовлений и сдадутся, не видя себе иного спасения. Но они оставались тверды; крик продолжался еще упорнее. Наконец послал я генерал-майора Сухозанета объявить им, что, ежели сейчас не положат оружия, велю стрелять. Ура и прежние восклицания были ответом и вслед за тем – залп.

Тогда, не видя иного способа, скомандовал: пали! Первый выстрел ударил высоко в Сенатское здание, и мятежники отвечали неистовым криком и беглым огнем. Второй и третий выстрел от нас и с другой стороны из орудия у Семеновского полка ударили в самую середину толпы, и мгновенно все рассыпалось, спасаясь Английской набережной на Неву, по Галерной и даже навстречу выстрелов из орудия при Семеновском полку, дабы достичь берега Крюкова канала.

Велев артиллерии взяться на передки, мы двинули Преображенский и Измайловский полки через площадь, тогда как гвардейский Коннопионерный эскадрон и часть конной гвардии преследовали бегущих по Английской набережной. Одна толпа начала было выстраиваться на Неве, но два выстрела картечью их рассеяли – и осталось сбирать спрятанных и разбежавшихся, что возложено было на генерал-адъютанта Бенкендорфа с 4 эскадронами Конной гвардии и гвардейским Коннопионерным эскадроном под командою генерал-адъютанта Орлова на Васильевском острову и 2 эскадронами конной гвардии на сей стороне Невы. Вслед за сим вручил я команду сей части города генерал-адъютанту Васильчикову, назначив ему оставаться у Сената и отдав ему в команду Семеновский полк, 2 батальона Измайловского, сводный батальон Московского и Павловского полков, 2 эскадрона конной гвардии и 4 орудия конной артиллерии. Васильевский остров поручил в команду генерал-адъютанту Бенкендорфу, оставя у него прежние 6 эскадронов и придав лейб-гвардии Финляндского полка 1 батальон и 4 орудия пешей артиллерии. Сам отправился ко дворцу. У Гороховой, в виде авангарда, оставил на Адмиралтейской площади 2 батальона лейб-гвардии Егерского полка и за ними 4 эскадрона Кавалергардского полка. Остальной батальон лейб-гвардии Егерского полка держал пикеты у Малой Миллионной, у Большой Миллионной, у казарм 1-го батальона Преображенского полка и на Большой набережной у театра. К сим постам придано было по 2 пеших орудия. Батареи о 8 орудиях поставлены были у Эрмитажного съезда на Неву, а другая о 4 орудиях против угла Зимнего дворца на Неву. 1 батальон Измайловского полка стоял на набережной у парадного подъезда, 2 эскадрона кавалергардов – левее, против угла дворца. Преображенский полк и при нем 4 орудия роты его величества стоял на Дворцовой площади спиной к дворцу, у главных ворот в резерве, а на дворе оставались оба саперных батальона и рота гренадерская лейб-гвардии Гренадерского полка.

Из «Записок» Дениса Васильевича Давыдова

Я всегда полагал, что император Николай одарен мужеством, но слова, сказанные мне бывшим моим подчиненным, вполне бесстрашным генералом Чеченским, и некоторые другие обстоятельства поколебали во мне это убеждение. Чеченский сказал мне однажды: «Вы знаете, я умею ценить мужество, а потому вы поверите моим словам. Находясь в день 14

[10] Чтобы спасти вашу империю (*фр.*).

декабря близ государя, я во все время наблюдал за ним. Я могу вас уверить честным словом, у императора, бывшего во все время весьма бледным, душа была в пятках. Не сомневайтесь в моих словах, я не привык врать».

Из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского

Сам государь однажды в разговоре со мной об этих происшествиях выразился: «Что непонятно во всем этом, Евгений, так это то, что нас обоих тут же не пристрелили».

Ночь с 14 на 15 декабря 1825 года явила нам совершенно неожиданные стороны личности Николая Павловича.

Надо представить себе, что значила для Николая эта ночь, – ему предстояло выяснить и осознать масштабы заговора и степень опасности, которой подвергался он сам, вся августейшая фамилия и государственная система. Психологическая нагрузка была громадна. Неудивительно, что он часто срывался. Тем более что не был уверен в окончании дела – недаром город напоминал военный лагерь.

Не говоря уже о том, что он ждал известий из второй армии – главного гнезда армейских заговорщиков. И они не замедлили явиться в виде страшного сообщения о мятеже Черниговского полка, который, по представлениям молодого императора, имел все шансы разрастись в гражданскую войну…

Допросы первых арестованных превратились в мрачный театр.

Из «Записок» Сергея Петровича Трубецкого

Везде около дворца и по улицам, к нему ведущим, стояло войско и были разведены большие огни. Меня позвали; император пришел ко мне навстречу в полной форме и ленте и, подняв указательный палец правой руки прямо против моего лба, сказал: «Что было в этой голове, когда вы, с вашим именем, с вашей фамилией, вошли в такое дело? Гвардии полковник! Князь Трубецкой!.. как вам не стыдно быть вместе с такой дрянью? Ваша участь будет ужасная», – и, оборотившись к генералу Толю, который один был в комнате, сказал: «Прочтите». Толь выбрал из бумаг, лежащих на столе, один лист и прочел в нем показание, что бывшее происшествие есть дело общества, которое кроме членов в Петербурге имеет большую отрасль в 4-м корпусе и что дежурный штаб-офицер этого корпуса лейб-гвардии Преображенского полка полковник Трубецкой может дать полное сведение о помянутом обществе. Когда он прочел, император спросил: «Это Пущин?»

Толь: – Пущин.

Я: – Государь, Пущин ошибается…

Толь: – А! Вы думаете, это Пущин? А где Пущин живет?

Я видел, что почерк не Пущина, но думал, что, повторяя его имя, может быть, назовут мне показателя. На вопрос Толя я отвечал: «Не знаю».

Толь: – У отца ли он теперь?

Я: – Не знаю.

Толь: – Я всегда говорил покойному государю, ваше величество, что 4-й корпус – гнездо тайного общества и почти все полковые командиры к нему принадлежат, но государю было не угодно верить.

Я: – Вы, ваше превосходительство, имеете очень неверные сведения.

Толь: – Уж вы не говорите, я это знаю.

Я: – Последствия докажут, что ваше превосходительство ошибаетесь. В 4-м корпусе нет никакого тайного общества, я за это отвечаю.

Император прервал наш спор, подав мне лист бумаги, и сказал: – Пишите показание, – и показал мне место на диване, на котором сидел и с которого теперь встал. Прежде нежели я сел, император начал опять разговор: – Какая фамилия! Князь Трубецкой! Гвардии полковник! И в таком деле! Какая милая жена! Вы погубили жену. Есть у вас дети?

Я: – Нет.

Император, прерывая:

– Вы счастливы, что у вас нет детей. Ваша участь будет ужасная, ужасная! – и, продолжав некоторое время в этом тоне, заключил: – Пишите все, что знаете, – и ушел в другой кабинет… Несколько погодя Толь позвал меня в другой кабинет.

Я едва переступил за дверь – император навстречу в сильном гневе: – Эк! что на себя нагородили, а того, что надобно, не сказали. – И скорыми шагами подойдя к столу, взял на нем четвертку листа, поспешно подошел ко мне и показал: – Это что? Это ваша рука?

Я: – Моя.

Император, крича: – Вы знаете, что я могу вас сейчас расстрелять!

Я, сжав руки и тоже громко: – Расстреляйте, государь, вы имеете право.

Император, так же громко: – Не хочу. Я хочу, чтобы судьба ваша была ужасная.

Выпихав меня своим подходом в передний кабинет, повторил то же несколько раз, понижая голос. Отдал Толю бумаги и велел приложить к делу, а мне опять начал говорить о моем роде, о достоинствах моей жены, о ужасной судьбе, которая меня ожидает, и уже все это жалобным голосом. Наконец, подведя меня к тому столу, на котором я писал, подав мне лоскуток бумаги, сказал: – Пишите к вашей жене. – Я сел. Он стоял. Я начал писать: «Друг мой, будь спокойна и молись Богу…» – император прервал: – Что тут много писать, напишите только: «Я буду жив и здоров». Я написал: «Государь стоит возле меня и велит написать, что я жив и здоров». Я подал ему, он прочел и сказал: – Я жив и здоров буду, припишите «буду» вверху.

Я исполнил. Он взял и велел мне идти за Толем.

«Четвертка листа», по поводу которой Николай грозил Трубецкому расстрелом, был листок из блокнота, на котором Трубецкой – в неустановленное время – набросал весьма радикальный план переустройства российской жизни после победы будущего восстания. Это и в самом деле была убийственная улика, ибо «манифест» этот начинался словами «Уничтожение бывшего правления».

Крайне любопытна та игра, которую ведет Николай с лидером провалившегося мятежа, то угрожая ему немедленным расстрелом, то давая гарантию жизни.

Николай был в крайне щекотливом положении. Он не мог не понимать, что жестокость по отношению к арестованным будет тяжело воспринята родственниками и друзьями. А эти родственные и дружеские связи пронизывали все общество.

Полковник князь Трубецкой не только принадлежал к одной из самых знатных аристократических фамилий, но и был зятем графа Лаваля, камергера и церемониймейстера императорского двора, человека с широкими связями. Отсюда и неожиданный жест Николая, некий знак, адресованный придворному кругу и петербургскому обществу вообще.

Надо помнить, что дело происходило в ночь после восстания, когда молодой император чувствовал себя отнюдь не уверенно…

Сам Николай в записках рисует сцену допроса Трубецкого существенно иначе.

Из «Записок» Николая I

Призвав генерала Толя в свидетели нашего свидания, я велел привести Трубецкого и приветствовал его словами:

– Вы должны быть известны о происходившем вчера. С тех пор многое объяснилось, и, к удивлению и сожалению моему, важные улики на вас существуют, что вы не только участником заговора, но должны были им предводительствовать. Хочу дать вам возможность хоть несколько уменьшить степень вашего преступления добровольным признанием всего вам известного; тем вы дадите возможность пощадить вас, сколько возможно будет. Скажите, что вы знаете?

– Я невинен, я ничего не знаю, – отвечал он.

– Князь, опомнитесь и войдите в ваше положение; вы – преступник; я ваш судья; улики на вас – положительные, ужасные и у меня в руках. Ваше отрицание не спасет вас; вы себя погубите – отвечайте, что вам известно?

– Повторяю, я не виновен, я ничего не знаю.

Показывая ему конверт, сказал я:

– В последний раз, князь, скажите, что вы знаете, ничего не скрывая, или – вы невозвратно погибли. Отвечайте.

Он еще дерзче мне ответил:

– Я уже сказал, что ничего не знаю.

– Ежели так, – возразил я, показывая ему развернутый его руки лист, – так смотрите же, что это?

Тогда он, как громом пораженный, упал к моим ногам в самом постыдном виде.

Хотя Трубецкой писал свои воспоминания значительно позже, чем его августейший следователь, но картина, им предложенная, кажется правдоподобнее из-за живых психологических деталей, о которых у нас шла речь. Тем более что Николай запамятовал принципиально важные вещи, например содержание документа, сразившего Трубецкого.

Из «Записок» Николая I

…Нашлась черновая бумага на оторванном листе, писанная рукою Трубецкого, особой важности: это была программа на весь ход действий мятежников на 14-е число, с означением лиц участвующих и разделением обязанностей каждому.

Ничего подобного на этом листе не было. Он хорошо известен историкам – это, как уже говорилось, программа переустройства государства после победы восстания. Никакого писаного плана действий у лидеров тайного общества не было и никакого «разделения обязанностей» тем более.

Подобная ошибка ставит под сомнение и остальные утверждения Николая.

Из «Записок» декабриста Андрея Евгеньевича Розена

На главной гауптвахте Зимнего дворца ожидал я моей очереди. В 10 часов вечера с конвоем отвели меня во внутренние покои царские… В начале допроса отворились другие двери, вошел император, я сделал несколько шагов вперед, чтобы ему поклониться, он повелительно и грозно сказал: «Стой!» Подошел ко мне, положил свою руку под эполет моего плеча и повторял «Назад, назад, назад», подвигая меня и следуя за мной, пока не ступил я на прежнее место к письменному столу и восковые свечи, горевшие на столе, пришлись прямо против моих глаз. Тогда более минуты пристально смотрел он мне в глаза и, не заметив ни малейшего смущения, вспомнил, как всегда доволен был моей службою, как он меня отличал, и прибавил, что теперь лежат на мне важные обвинения, что я грозил заколоть первого солдата, который вздумал бы двинуться за карабинерным взводом, и что он требует от меня

чистосердечных сознаний, обещая мне сделать все, что возможно будет, чтобы спасти меня, и ушел. Допрос продолжался, я не мог сказать всю правду, не хотел назвать никого из членов тайного общества и из зачинщиков 14 декабря. Через полчаса опять вошел государь, взял у Левашова ответные пункты, искал чего-то: имен собственных никаких не было в моих показаниях, – еще раз взглянул на меня с благоволением, уговаривая быть откровенным. Император одет был в своем старом сюртуке Измайловского полка без эполет, бледность на лице, воспаление в глазах показывали ясно, что он много трудился и беспокоился, во все вникал лично, все хотел слышать сам, все сам читать. Когда он ушел в свой кабинет, то еще в третий раз отворил дверь и в дверях произнес последние слова, мною слышанные из уст его: «Тебя, Розен, охотно спасу!»

Розен был осужден на 10 лет каторги, которые Николай сократил до шести. В эту ночь окружающие наблюдали совершенно иного человека – не того сдержанного, замкнутого гвардейского красавца, каким привыкли видеть на людях, на службе великого князя. Смертельно уставший от нервного напряжения страшного дня, изнуренный непрерывными допросами, он искусно и точно вел свою игру с захваченными мятежниками, меняясь от допроса к допросу.

Император был грозен и резок с Трубецким: его нужно было немедленно сломать, и Николай надеялся подавить его внезапным милосердием. Но Розена, молодого блестящего фрунтовика, он и в самом деле высоко ценил, и тот, в свою очередь, несмотря на оскорбительную царскую грубость, тоже отдавал государю должное как знатоку фрунта. Поэтому во время допроса Розена Николай демонстрировал печальную суровость.

С юным поручиком Александром Гангебловым, которого знал с его отрочества, император выбрал безошибочный тон – отеческий.

Скорее всего, бессознательно Николай Павлович в эту фантасмагорическую ночь проигрывал весь регистр своего будущего поведения с подданными, открывая для самого себя возможности своей отнюдь не примитивной натуры.

Из воспоминаний декабриста Александра Семеновича Гангеблова

Я вдруг очутился лицом к лицу с Николаем Павловичем. Он был один в комнате, в сюртуке без эполет. Я не видел его в таком простом наряде с тех пор, как в бытность камер-пажом бывал на воскресных дежурствах в его Аничковом дворце. Он стоял, подбоченясь одной левой рукой, лицом к двери, как бы ожидая моего появления.

– Подойдите ближе ко мне, – сказал государь, – Еще ближе, – и, дав приблизиться менее чем на два шага, произнес: – Вот так.

Николай Павлович был бледен; в чертах его исхудалого лица выражалось сдерживаемое волнение. Вперив мне в глаза свой проницательный взор, он, почти ласковым голосом, начал так:

– Что вы, батюшка, наделали?.. Что вы это только наделали?.. Вы знаете, за что вы арестованы?

– Никак нет, ваше величество, не знаю… Ваше величество, мне не было даже известно о существовании общества с политическою целью; я знал, что есть общества религиозные, но ни в одно из них я не вступал.

Говоря это, я горел от стыда, так как ложью я всегда гнушался.

Тут Николай Павлович, не сводя с моих глаз пристального взора, взял меня под руку и стал водить из угла в угол залы.

– Послушайте, – начал он, понизив голос, – послушайте, вы играете в крупную игру и ставите ва-банк. За метьте, что я не напоминаю вам о присяге, которую вы давали на верность вашему государю и вашему Отечеству; это дело вашей совести перед Богом. Но вы должны были не забывать, что вы дали под-пис-ку, что не вступите ни в какое тайное общество. Такими вещами шутить нельзя. Вы не могли не заметить, что я вас всегда отличал: вы служили при жене, и т. д и т. п.

Государь не задавал уже мне вопросов, а непрерывно говорил одним тоном, где слышались не то упрек, не то сожаление… Между прочим он сказал: «…Видите, как я с вами откровенен. Платите и вы мне тем же… вы у меня были на особом отличном счету»… Наконец, не слыша с моей стороны никакого отзыва, государь, видимо, терял терпение, и, когда мы дошли до того места, с которого начали ходить и где Мартынов все время стоял навытяжку, государь остановился и, повернув меня лицом к себе: «Ну, – сказал он, – теперь вы на меня не пеняйте; я для вас сделал все, что мог сделать… Так вы не хотите признаться? Смотрите мне прямо в глаза! Так вы не хотите признаться? В последний раз вас спрашиваю: кому вы дали слово?»

– Ваше величество, я не знаю за собой никакой вины.

– Поймите, в последний раз вас спрашиваю: никому слова не давали?

– Никому, – произнес я решительно.

– И вы скажете, что не дали слово Свистунову?

– Н-н-е-т.

– И вы это говорите как благородный офицер?

Я совершенно растерялся. Я не мог двинуть языком…

Нельзя не изумляться неутомимости и терпению Николая Павловича. Он не пренебрегал ничем: не разбирая чинов, снисходил, можно сказать, беседования с арестованными, старался уловить истину в самом выражении глаз, в самой интонации слов ответчика. Успешности этих попыток много помогала и самая наружность государя, его величавая осанка, его античные черты лица, особливо его взгляд: когда Николай Павлович находился в спокойном, милостивом расположении духа, его глаза выражали обаятельную доброту и ласковость; но когда он был в гневе, те же глаза метали молнии.

Обратим внимание, что во всех случаях Николай ставит арестованного вплотную к себе, рассчитывая на гипнотическое воздействие своего взгляда. Этой своей особенностью, которую он, очевидно, обнаружил во время допросов, он затем широко пользовался.

Допросы не ограничились страшной ночью с 14 на 15 декабря. И молодой император считал своим долгом принимать в них самое деятельное участие.

Из «Записок» декабриста Ивана Дмитриевича Якушкина

Возле ломберного стола стоял новый император. Он сказал мне, чтобы я подошел ближе, и начал таким образом:

– Вы нарушили вашу присягу?

– Виноват, государь.

– Что ожидает вас на том свете? Проклятие. Мнение людей вы можете презирать, но что ожидает вас на том свете должно вас ужаснуть. Впрочем, я не хочу вас окончательно губить – я пришлю к вам священника. Что же вы мне ничего не говорите?

– Что вам угодно, государь, от меня?

– Я, кажется, говорю вам довольно ясно; если вы не хотите губить ваше семейство и чтобы с вами обращались как с свиньей, то вы должны во всем признаться.

– Я дал слово не называть никого; все же, что знал про себя, я уже сказал его превосходительству, – отвечал я, указывал на Левашова, стоявшего поодаль в почтительном положении.

– Что вы мне с его превосходительством и с вашим мерзким честным словом.

– Назвать, государь, я никого не могу.

Новый император отскочил на три шага назад, протянул ко мне руку и сказал: «Заковать его так, чтобы он пошевелиться не мог!»

Надо иметь в виду, что декабристы в мемуарах иногда представляли свое поведение на допросах в более выгодном свете, чем оно было в реальности. Но Якушкин и в самом деле был одним из наиболее стойких, мужественных узников….

В смятенном и подавленном ужасом обществе многие ожидали от молодого императора благородного жеста – демонстрации великодушия и милосердия. Даже в его ближайшем окружении были люди, которые считали, что прощение мятежников принесет будущему царствованию куда больше пользы, чем самая суровая расправа.

Из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского

Решился я доверить моей тетушке (императрице-матери Марии Федоровне. – *Я. Г.*) сокровенные желания моего сердца и просил ее поддержать их как бы ее собственные… Здесь в первый раз я был в отношении к ней смел и неделикатен. Я сказал:

– Указывая на гроб Александра, Николай должен сказать заговорщикам: «Вот кого вы хотели умерт вить! Я знаю, что бы сделал он: я прощаю вас! Вы не достойны России! Вы не останетесь в ее пределах!»

Императрица хотела возражать, но я прервал ее и продолжал:

– Положив руку на сердце, сознаемся, что вполне не виновного нет ни одного смертного и русская империя небезупречна, в особенности в своей истории. Лучше миловать, чем карать, и при всяком восшествии на пре стол милость гораздо благоразумнее строгости.

Тетушка поняла меня и обещала употребить все возможное для достижения этой цели; но ее старания и мои ожидания оказались по-видимому бесплодны.

Императрица Мария Федоровна прекрасно поняла «неделикатный» намек своего племянника… Среди тех, кто подавлял мятеж 14 декабря и заседал в следственной комиссии, были убийцы ее мужа императора Павла.

Принц Евгений, как-никак европеец, полагал, что, имея подобное наследие, русскому императору не пристало быть бескомпромиссно суровым. Он считал, что традицию надо переломить…

Николай Павлович рассудил по-иному.

Из письма Николая I великому князю Константину. 6 июля 1826 года

В четверг начался суд, со всей подобающей торжественностью. Заседание идет без перерыва с 10 утра до 3 часов дня, и, несмотря на это, я еще не знаю, приблизительно к какому числу может кончиться. Затем последует казнь – ужасный день, о котором я не могу думать без содрогания. Предполагаю: провести ее на эспланаде крепости.

Из письма Николая I императрице Марии Федоровне. 10 июля 1826 года

Я отстраняю от себя всякий смертный приговор, и участь этих пяти наиболее презренных предоставляю решению Суда; эти пятеро: Пестель, Рылеев, Каховский, Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин.

То есть, что бы ни декларировал Николай Павлович, задолго до окончания суда он уже предопределил участь подсудимых.

Вокруг решения о смертной казни ходило множество слухов.

Из записок Александры Осиповны Смирновой-Россет

К концу поста государь пошел с собакой Гусаром его купать и бросил ему свой носовой платок (августейшая семья жила в это время в Царском Селе. – *Я. Г.*); в эту секунду его камердинер, запыхавшись, прибежал и сказал: «Светлейший князь Лопухин ожидает ваше величество». Государь, взволнованный, скорым шагом пошел во дворец, и Гусар за ним; я вытянула носовой платок и после отдала его камердинеру. После я узнала, что Лопухин принес лист осужденных на смерть, их было 20 (на самом деле Верховный уголовный суд приговорил к смерти 31 человека. – *Я. Г.*). Государь сказал: «Князь, это странно – начать царство с смертной казни 20 молодых людей. Что говорит брат Михаил?» – «Ваше величество, великий князь и граф Бенкендорф были совсем против смертной казни». – «Я этому рад». – «Но генерал Левашов более всех настаивал на смертной казни Каховского, потому что думал – он убил графа Милорадовича».

Известно, что повесили Пестеля, самого опасного, потому что самого умного из общества во Второй армии… Рылеева, Бестужева, Каховского и Муравьева-Апостола. Так как в числе заговорщиков многие принадлежали к высшему кругу, то их родственники были очень недоброжелательны и рассказывали, что когда старый Лопухин подал государю лист в 20 человек, приговоренных на смертную казнь, что он хотел подписать, и будто Лопухин сказал ему: «Государь, вы начинаете царствовать», – и затрясся. Это чистая ложь – при мне он сказал императрице: «Дорогой друг, смертная казнь в России отменена со времен императрицы Елизаветы, которая была гуманна, и, по несчастию, я первый с того времени должен подписать этот ужасный указ». Императрица заплакала.

Из дневника императрицы Александры Федоровны

Воскресенье, 12 [24] июля, ночью

Сегодня канун ужасных казней. 5 виновных будут повешены; остальные разжалованы и сосланы в Сибирь.

Я так взволнована! Господь видит это. Еще бы? Столица и такие казни – это вдвойне опасно… Да сохранит Господь священную жизнь моего Николая! Я бы хотела, чтобы эти ужасные два дня уже прошли… Это так тяжело. И я должна переживать подобные минуты… О, если б кто знал, как колебался Николай! Я молюсь за спасение душ тех, кто будет повешен.

Понедельник, 13 [25] июля

Что это была за ночь! Мне все время мерещились мертвецы. Я просыпалась от каждого шороха. В 7 часов Николая разбудили. Двумя письмами Кутузов и Дибич доносили, что все прошло без каких-либо беспорядков; виновные вели себя трусливо и недостойно, солдаты же соблюдали тишину и порядок. Те, которые не подлежали повешению, были выведены, разжалованы, с них были сорваны мундиры и брошены в огонь, над их головами ломали оружие; это должно быть для мужчин так же ужасно, как сама смерть. Затем пятеро остальных были выведены и повешены, при этом трое из них упали. Это ужасно, это приводит в содрогание!.. Присутствовавшая при этом толпа приблизилась к виселице и глумилась над трупами; говорили, что они заслужили это наказание и умерли так же, как жили. Сопровождавшие преступников солдаты держали себя с большим достоинством. Мой бедный Николай так много перестрадал за эти дни! К счастью, ему не пришлось самому подписывать смертный приговор.

Я благодарю Бога за то, что этот день прошел, и прошу его защиты на завтра.

Молодая императрица видела эту страшную картину так, как ей хотелось ее видеть. Смертники вели себя отнюдь не трусливо. Потерял присутствие духа только юный Бестужев-Рюмин, человек вообще неврастеничный. Постоянное повторение фразы о спокойствии солдат – знаменательно. Власти не были уверены, как встретят солдаты казнь, позорную казнь офицеров, из которых двое были героями наполеоновских войн. И утверждение о том, что толпа глумилась над трупами повешенных, вызывает большое сомнение. Тела были немедленно увезены, а виселица окружена рядами солдат.

История с подписанием смертного приговора – чистое лицемерие, которое станет одной из определяющих черт поведения Николая Павловича в подобных ситуациях.

Смертный приговор действительно вынес назначенный императором Верховный уголовный суд, но у Николая было право помилования, которым он не воспользовался. Он воспользовался другим правом.

Из письма начальника Главного штаба Ивана Ивановича Дибича председателю Верховного уголовного суда князю Петру Васильевичу Лопухину

На случай сомнения о виде казни, какая сим преступникам судом определена быть может, государь император повелеть мне соизволил предварить вашу светлость, что его величество никак не соизволяет не токмо на четвертование, яко казнь мучительную, но и на расстреляние, как казнь одним воинским преступлениям свойственную, ни даже на простое отсечение головы, и, словом, ни на какую смертную казнь, с пролитием крови сопряженную.

Император оставлял Верховному уголовному суду только один вид казни – повешение. Он не подписал приговор, но утвердил его специальным обращением к суду.

Из протокола Верховного уголовного суда от 11 июля 1826 года

Сообразуясь с высокомонаршим милосердием, в сем деле явленном, Верховный уголовный суд по высочайше предоставленной ему власти приговорил вместо мучительной смертной казни четвертованием Павлу Пестелю, Кондратию Рылееву, Сергею Муравьеву-Апостолу, Михайле Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому приговором суда определенной, – сих преступников за их тяжкие злодеяния – повесить.

И сам Николай, и Александра Федоровна утверждали, что молодому императору тяжело далось это жестокое решение.

В это можно было бы поверить, если бы в распоряжении историков не было специальной записки, в которой Николай подробно расписал обряд, по которому должна была совершиться казнь и экзекуция над осужденными.

Командовал экзекуцией, апофеозом которой была казнь потенциальных цареубийц, генерал П. В. Голенищев-Кутузов – один из участников реального цареубийства 11 марта 1801 года…

Из записки Николая I, адресованной Павлу Васильевичу Голенищеву-Кутузову

В кронверке занять караул. Войскам быть в три часа. Сначала вывести с конвоем приговоренных к каторге и разжалованных и поставить рядом против знамени. Конвойным оставаться за ними, считая по два на одного. Когда все будет на месте, то командовать на караул и пробить одно колено похода, потом господам генералам, командующим эскадронами и кавалерией, прочесть приговор, после чего пробить два колена похода и скомандовать на плечо, тогда профосам сорвать мундир, кресты и переломить шпаги, что потом и бросить в приготовленный костер. Когда приговор исполнится, то ввести их тем же порядком в кронверк,

тогда взвести осужденных к смерти на вал, при коих быть священнику с крестом. Тогда ударить тот же бой, как для гонения сквозь строй, докуда все не кончится, после сего зайти по отделениям направо и пройти мимо и распустить по домам.

Из книги Михаила Николаевича Покровского «Русская история в самом сжатом очерке». 1933

Лицемерием было пропитано все николаевское общество сверху донизу. Лицемерие самого Николая воплотилось всецело в одном факте: когда в Сибири поймали шайку разбойников, долго наводившую ужас на целую губернию, губернатор предложил их казнить. Николай написал на донесении губернатора: «В России, слава Богу, нет смертной казни, и не мне ее восстанавливать, а дать каждому из разбойников по 12 тыс. палок». Здесь все было ложью. Во-первых, смертная в казнь в России по приговору военных, чрезвычайных и т. д. судов существовала, и Николай начал свое царствование с подписания смертного приговора пяти вождям декабристов, а во-вторых, больше 3 тысяч палок никто, самый здоровый человек, выдержать не мог – 12 тысяч означало верную смерть задолго до окончания наказания. Николай это прекрасно понимал.

> Документ, воспроизведенный Покровским, был не единственным подобным в практике Николая Павловича. Когда Лев Николаевич Толстой собирал материал для повести «Хаджи-Мурат», Владимир Васильевич Стасов, служивший в Публичной библиотеке и помогавший ее директору Корфу собирать материалы для биографии Николая I, передал писателю сходную резолюцию императора, на которой Толстой построил одну из сцен повести. Это была резолюция на судном деле студента-поляка, который в истерическом припадке бросился с перочинным ножиком на профессора, явно над ним издевавшегося. Профессор фактически не пострадал, но дело дошло до государя.
>
> Здесь мы забежали вперед. Но слишком многое в царствовании Николая Павловича завязалось в то время, когда он допрашивал схваченных мятежников, а затем обрекал пятерых на позорную казнь.

Из записных книжек Петра Андреевича Вяземского
19 июля 1826 года

…13-е число (день казни пятерых декабристов. – *Я. Г.*) жестоко оправдало мое предчувствие! Для меня этот день ужаснее 14-го. По совести нахожу, что казни и наказания несоразмерны преступлениям, из коих большая часть состояла только в одном умысле. Вижу в некоторых из приговоренных помышление о возможном цареубийстве, но истинно не вижу ни в одном твердого убеждения и решимости на совершение оного. Одна совесть, одно всезрящее Провидение может наказывать за преступные мысли, но человеческому правосудию не должны быть доступны тайны сердца, хотя даже и оглашенные. Правительство должно обеспечить государственную безопасность от исполнения подобных покушений, но права его не идут далее. Я защищаю жизнь против убийцы, уже подъявшего на меня нож, и защищаю ее, отъемля жизнь у противника, но если по одному сознанию намерений его спешу обеспечить свою жизнь от опасности еще только возможной лишением жизни его самого, то выходит, что убийца настоящий не он, а я. Личная безопасность, государственная безопасность, слова многозначительные, и потому не нужно придавать им смысл еще обширнейший и безграничный, а не то безопасность одного члена или целого общества будет опасностью каждого и всех…

22 июля 1826 года

Помышление о перемене в нашем политическом быту роковою волною прибивало к бедственной необходимости цареубийства и с такою же силою отбивало, а доказательство тому: цареубийство не было совершено. Все осталось на словах и на бумаге, потому что в заговоре не было ни одного цареубийцы. Я не вижу их и на Сенатской площади 14 декабря, точно так, как не вижу героя в каждом воине на поле сражения. Вы не даете Георгиевских крестов за одно намерение в надежде будущих подвигов: зачем же казните преждевременно и за одну убийственную болтовню… ставите вы на одних весах с убийством, уже совершенным. Что за Верховный суд, который, как Немезида, хотя и поздно, но вырывает из глубины души тайные и давно отложенные помышления и карает их как преступление налицо!

Из книги Александра Ивановича Герцена «Былое и думы»

Рассказы о возмущении, о суде, ужас в Москве сильно поразили меня; мне открывался новый мир, который становился больше и больше средоточием всего нравственного существования моего; не знаю, как это сделалось, но, мало понимая или очень смутно, в чем дело, я чувствовал, что я не с той стороны, с которой картечь и победы, тюрьмы и цепи. Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческий сон моей души.

Все ожидали облегчения в судьбе осужденных, – коронация была на дворе. Даже мой отец, несмотря на свою осторожность и на свой скептицизм, говорил, что смертный приговор не будет приведен в действие, что все это делается для того, чтоб поразить умы. Но он, как и все другие, плохо знал юного монарха. Николай уехал из Петербурга и, не въезжая в Москву, остановился в Петровском дворце…. Жители Москвы едва верили своим глазам, читая в «Московских ведомостях» страшную новость 14 июля.

Народ русский отвык от смертных казней: после Мировича, казненного вместо Екатерины II, после Пугачева и его товарищей не было казней; люди умирали под кнутом, солдат гоняли (вопреки закону) до смерти сквозь строй, но смертная казнь *de jure*[11] не существовала. Рассказывают, что при Павле па Дону было какое-то частное возмущение казаков, в котором замешались два офицера. Павел велел их судить военным судом и дал полную власть гетману или генералу. Суд приговорил их к смерти, но никто не осмелился утвердить приговор; гетман представил дело государю. «Все они бабы, – сказал Павел, – они хотят свалить казнь на меня, очень благодарен», – и заменил ее каторжной работой.

Николай ввел *смертную казнь* в наше уголовное законодательство сначала беззаконно, а потом привенчал ее к своему своду.

Через день после получения страшной вести был молебен в Кремле. (Победу Николая над пятью торжествовали в Москве молебствием. Середь Кремля митрополит Филарет благодарил Бога за убийства. Вся царская фамилия молилась, около нее сенат, министры, а кругом на огромном пространстве стояли густые массы гвардии, коленопреклоненные, без кивера, и тоже молились; пушки гремели с высот Кремля. Никогда виселицы не имели такого торжества; Николай понял важность победы!..) Отпраздновавши казнь, Николай сделал свой торжественный въезд в Москву. Я тут видел его в первый раз; он ехал верхом возле кареты, в которой сидели вдовствующая императрица и молодая. Он был красив, но красота его обдавала холодом; нет лица, которое бы так беспощадно обличало характер человека, как его лицо. Лоб, быстро бегущий назад, нижняя челюсть, развитая на счет черепа, выражали непреклонную волю и слабую мысль, больше жестокости, нежели чувственности. Но главное – глаза, без всякой теплоты, без всякого милосердия, зимние глаза. Я не верю, чтоб он когда-нибудь страстно любил какую-нибудь женщину, как Павел Лопухину, как Александр всех женщин, кроме своей жены; он «пребывал к ним благосклонен», не больше.

[11] Юридически (*лат.*).

Коронация

Из «Записок» Модеста Андреевича Корфа

Одним из пламеннейших, весьма естественных желаний императора Николая при вступлении его на престол было – чтобы при коронации в Москве присутствовал и великий князь Константин Павлович; но, давая только угадывать это желание, он не решался облечь его в форму просьбы и тем менее положительной воли. Князь Любецкий, в то время министр финансов Царства Польского, отважился сделать это за него.

«Отъезжая тогда в Варшаву, – рассказывал он мне впоследствии, – я при прощании с государем и при выраженном им желании увидаться скорее с братом осмелился сказать:

– Государь! Нужно, чтобы он приехал к коронации в Москву; надобно, чтобы тот, кто уступил вам корону, приехал возложить ее на вас в глазах России и Европы.

– Это вещь невозможная и невероятная.

– Она будет, государь!

– Во всяком случае, приехав в Варшаву, сходите поцеловать от меня ручки княгине Лович.

Я понял этот намек, – продолжал князь Любецкий, – и по приезде в Варшаву обратился прямо к княгине Лович. Сильное ее влияние убедило великого князя неожиданным своим приездом в Москву обрадовать государя и успокоить Россию».

Из воспоминаний очевидца коронации Николая I

ВЕНЧАНИЕ РУССКОГО ЦАРЯ

Москва, 22 августа 1826 года

В пять часов утра, тихого и уже светлого от пышной розовой зари, спешили мы встать, одеться и ехать. Безветренный воздух дышал свежестию; ни малейшее облако не оттеняло чистого небесного свода, и скоро солнце присутствием своим украсило день достопамятный. Казалось, вся природа безмолвно ожидала торжества земли Русской. Но Москва радостным шумом представляла разительную противоположность с тишиною неба: на улицах, на площадях теснились несчетные толпы народа, гремели экипажи. На Ильинке уже нельзя было проехать: кареты спирались, одна за другою, и кто не хотел или не мог ждать, должен был пешком пробираться между людьми, лошадьми и колесами. Так пришлось и нам. Обширная Красная площадь подобилась волнующему морю: не сотни, а тысячи валили к стенам величественного Кремля. Входим внутрь его: и там уже, от Спасских ворот до Троицких и от Никольских до Тайницких, все наполнено, все кипит народом. Спешим к местам, назначенным для зрителей: полиция не успевает отбирать билеты; прилив увеличивается с минуты на минуту.

Мы достигнули одного из амфитеатров. Их можно было уподобить горам, усеянным цветами, бесконечно разнообразными: тут были наряды Европы и Азии, обоего пола, разного возраста и всяких званий. Часы длились в нетерпеливом ожидании. Наконец пушечные выстрелы возвестили приближение вожделенного времени. Площадь между церквами и амфитеатрами покрылась отрядами всех полков гвардии: движение бесчисленных шляп, киверов, касок подобилось то легкому колебанию колосьев от тихого ветерка, то быстрому течению речных струй; разноцветные мундиры являлись в полном блеске при лучах солнца, которые играли на золотом убранстве военачальников и скользили по светлой стали густого леса ружей. Все переходило, строилось по обеим сторонам помоста, устланного алым сук-

ном для высочайшего шествия; позади, за рядами воинства, толпился народ в беспрерывном движении: всяк желал найти для себя лучшее место, искал и часто возвращался на прежнее.

Разделяя свои мысли и чувства с моим товарищем, я заметил сильное движение у Красного крыльца; но Успенский собор заслонял от меня большую его половину, и я видел только, как богатый балдахин из золотой и серебряной парчи двинулся от крыльца к собору. Мне сказали, что под ним шествует императрица Мария Федоровна. Еще несколько минут, и с появлением другого великолепнейшего балдахина, при всеобщем колокольном звоне, я узнал о шествии императора с августейшею супругою. Оно скрылось также вдалеке за стенами собора. Как завидовал я счастливцам, которые имели возможность быть внутри самого храма свидетелями таинственных минут наития Святого Духа на российского самодержца, где ангельские хоры повторяли усердную молитву верноподданных да силою Господнею возвеселится царь, и где наш венценосец, помазуясь миром всеосвящающей благодати и моля Вышнего, да управит царство его в преподобии и правде, вручал Ему и сердце свое, и народ свой.

Загремели колокола и пушки в знамение, что свершился обряд священный и с ним желание необъятной России. Затем снова наступила всеобщая тишина: в соборе свершалась божественная литургия. Она окончилась… и какое опять волнение везде! какое нетерпение увидеть царя своего в венце предков Его! Самые отдаленные толпы закипели, нахлынули рекою, стеснились к амфитеатрам… но скоро порядок восстановлен, и тут мы насладились зрелищем несравненным: торжественный выход из Успенского храма был прямо виден с того места, где мы стояли. С амфитеатров и отовсюду неслись восклицания радости, заглушая собою пение церковное, и скоро потом, за всею необозримою великолепною свитою, за духовенством, вельможами воинскими и гражданскими, явился государь в блистательной алмазной короне, в порфире царской, со скипетром и державою. Взоры всех были устремлены с жадностию на помазанника Господня; а в светлых взорах его блистало смиренное величие христианского владыки. И не нужно было угадывать его чувств при виде бесчисленного множества детей, Промыслом врученных его сердцу. Сопровождаемый августейшими братьями, он тихо упреждал балдахин, под которым шла государыня императрица Александра Федоровна, в меньшей короне. Шестнадцать генерал-майоров несли балдахин и столько же генерал-лейтенантов придерживали его за золотые кисти. Звук музыки военной, гром пушек, колокольный гул с Ивана Великого и со всех церквей столицы и непрерывное, радостное *ура!* производили в душе невыразимое чувство. И столь роскошная картина озарялась полным сиянием солнца, еще умножавшего собою блеск золота, серебра, драгоценных камней и особенно венца императорского.

Их величества шествовали в Архангельский собор приложиться к почиющим в нем святым мощам и поклониться праху своих предков; потом в Благовещенский. На время их моления там прекращались восклицанья, колокольный звон и гром артиллерии – только военная музыка играла гимн *Боже, Царя храни!*, а по выходе их оттуда пальба и звон и *ура* возобновлялись, сопровождая венценосную чету на Красное крыльцо. С сего возвышенного места, почтенного воспоминаниями, сладостными для сердца русского, их величества кланялись восторженным зрителям, принимая от них громкие приветствия, которые долго, долго потом раздавались в воздухе. Древний Кремль жил новою жизнию при новом торжестве своем и, в сей лучезарный полдень красуясь жаром золотых куполов своих, еще более сиял радостию доброго русского народа. Быстро пронеслась она до крайних пределов Отечества. Ей откликнулось эхо Кавказа, Урала, Алтая; ей соплескали волны осьми нам послушных морей.

Император

Император как государственный человек

Из книги Николая Ивановича Тургенева «Россия и русские»

Известно, что в России существует абсолютная монархия, но, на мой взгляд, недостаточно известно, что русский царь – это самодержец в полном, нелепом и ужасном смысле этого слова. Ни один из более или менее упорядоченных видов правления, которое принято называть неограниченным, не может сравниться с Россией, где всю власть воплощает в своей особе император. Во всех подобных странах было и есть какое-нибудь сословие, какие-нибудь традиционные учреждения, заставляющие государя в известных случаях поступать так, а не иначе и ограничивающие его причуды; в России ничего подобного нет.

Из дневника сенатора Павла Гавриловича Дивова. 1826

14 июля. Нам было объявлено приказание собраться к 6 $^{1}/_{2}$ часам утра в Адмиралтейскую церковь, чтобы отправиться оттуда, с духовенством, на Сенатскую площадь, где должны были отслужить благодарственный молебен о спасении отечества от гибели, которою ей угрожал заговор 14 декабря. Я приехал к назначенному часу; нас было немного. Войска окружали походную церковь, поставленную возле статуи Петра Великого. Императрица подъехала к церкви Адмиралтейства в экипаже. Оттуда мы двинулись пешком, предшествуемые духовенством, к походной церкви, которая была приподнята над мостовой на шесть ступеней. Отслужили литургию, в которую была вставлена лития по жертвам 14 декабря. По окончании богослужения митрополит, в сопровождении духовенства, обошел ряды войска, окропляя его святою водою. Император следовал за митрополитом верхом, а императрица проехала перед фронтом в экипаже. Вся церемония совершилась в величайшем порядке; молитва с коленопреклонением произвела большое впечатление. […]

Император Николай вступил на престол в тот момент, когда разразилась буря, усмиренная его умом. Благодаря Бога, он энергичнее своего предшественника, но, продолжая до известной степени ошибки, сделанные его братом, он может все более и более запутаться в пагубных последствиях, какие они повлекут за собою. Последствия эти будут неизбежны по самой силе вещей, и побороть их не в силах одного человека. […]

С другой стороны, бросив взгляд на внутреннее управление империей, сердце сжимается, когда видишь в нем полное отсутствие единодушия. Какие лица пользуются доверием императора? именно те, которые виновны во всех бывших беспорядках. Князь Александр Голицын развратил всю Россию своей шайкой иллюминатов, коих он является послушным орудием. Молодые адъютанты смотрят на все через известную призму и действуют в духе тех лиц, которые готовы все разрушить и ниспровергнуть. Император горячо желает добра; об этом свидетельствуют все меры, принятые им по гражданскому и военному ведомствам; они доказывают в то же время, что государь убежден в том, что зло существует, и что он желает искоренить его, но как-то он возьмется за это? Он, видимо, старается узнать истину и убежден в том, что необходимо усилить надзор тайной полиции. Поэтому он и присоединил ее к своей собственной канцелярии, изъяв ее из ведомства Министерства внутренних дел.

Несмотря на всю свою самодержавность, Николай Павлович понимал, что действия надо сообразовывать с реальными обстоятельствами. Все зависело от того, как он воспринимал эти обстоятельства.

Существует устойчивое мнение, что деспотический характер николаевского царствования был спровоцирован мятежом 14 декабря, который тяжело травмировал сознание молодого императора и приучил его к мысли, что только неколебимая неизменность государственного устройства и опора на силу могут дать России спокойствие и порядок.

Это – ложное убеждение.

События декабря 1825 – января 1826 года, когда после мятежа в Петербурге на Юге восстал Черниговский полк, действительно потрясли его, напомнив о страшной судьбе деда и отца, о сокрушительных выступлениях гвардии, решавшей судьбу престола.

Но события эти сыграли и еще одну, не менее важную роль – они показали вчерашнему дивизионному генералу, что в государстве все совсем не так благополучно, как ему казалось, и что для подлинной стабильности нужны какие-то реформы.

Он приказал правителю дел Следственной комиссии А. Д. Боровкову составить выборку из показаний мятежников – свод их мнений, как критических соображений, так и предложений конструктивных. Один экземпляр этого свода он держал у себя на столе, а другой передал председателю созданного им секретного «Комитета 6 декабря 1826 года» графу В. П. Кочубею, участнику конституционных замыслов первых лет александровского царствования.

Из книги Модеста Андреевича Корфа «Жизнь графа Сперанского»

Оставшимся в живых из числа сподвижников первых лет царствования императора Николая I еще памятен особый комитет, которому потом, в его собственных актах и сношениях с ним государя… было дано название комитета 6 декабря 1826 года, по дню его учреждения. Этому комитету, составленному первоначально из графа Кочубея, князя А. Н. Голицына, графа Петра Александровича Толстого, Иллариона Васильевича Васильчикова и Сперанского, государь, в собственноручной записке, поручил: «1) Пересмотреть бумаги, найденные в кабинете императора Александра; 2) пересмотреть нынешнее государственное управление; 3) изложить мнение: а) что предполагалось, б) что есть, в) что оставалось бы еще кончить; 4) изложить мнение: что нынче хорошо, чего оставить нельзя и чем заменить; 5) материалы к сему употребить: а) то, что найдено в кабинете, б) что Балашову[12] поручено было, в) то, что члены сами предложат».

Уже из одной этой краткой инструкции видно, к какому огромному, почти необъятному кругу соображений призывался новый комитет. Но ни в бумагах, найденных в кабинете императора Александра, ни в предположениях Балашова не открылось почти ничего, чем можно было бы воспользоваться. Поэтому членам оставалось обратиться только к третьему разряду материалов из числа указанных государем, т. е. сообразить самим, что могло бы представиться полезным и нужным исправить или ввести.

Здесь Сперанский, с обыкновенною своею уклончивостью и с своим даром владеть людьми, умел не только сделаться главною пружиною комитета, но и направить его к некоторым из прежних своих организационных идей, разумеется, насколько они могли соответствовать переменившимся обстоятельствам, в особенности же характеру и намерениям нового монарха. С свойственною ему энергетическою неутомимостью он нашел в себе

[12] Генерал Александр Дмитриевич Балашов, бывший министр полиции, был генерал-губернатором пяти центральных губерний, и ему поручено было составить план преобразования губернского управления с опорой на его опыт. – *Примеч. сост.*

достаточно сил рядом с огромными работами по II отделению государевой канцелярии нести и эту.

«Не уновлениями, – писал он в одной из своих записок, сделавшейся потом программою всех дальнейших действий комитета 6 декабря, – но непрерывностию видов, постоянством правил, постепенным исполнением одного и того же плана устрояются государства и совершаются все части управления. Следовательно, продолжать начатое, довершать неоконченное, раскрывать преднамеренное, исправлять то, что временем, обстоятельствами, попущением исполнителей или их злоупотреблениями совратилось с своего пути, – в сем состоит все дело, вся мудрость самодержавного законодателя, когда он ищет прочной славы себе и твердого благосостояния государству. Но продолжать начатое, довершать неоконченное нельзя без точного удостоверения в том, что именно начато и не окончено, где и почему остановилось, какие встретились препятствия, чем отвратить их можно». Выведя отсюда, что комитет должен иметь главною целью пересмотреть предположения, возникавшие, по разным частям управления, в прежнее время, Сперанский так означил сущность и ход предлежавших занятий: *Предметы комитета*: 1) обозрение учреждений государственных (совета, сената и министерств) и губернских, со стороны их истории, перемен в последние двадцать пять лет, настоящего положения, коренных свойств и мер усовершения; 2) обозрение разных частей управления, и именно: а) дел финансовых: податей, земских повинностей, пошлин, государственных имуществ, движения внутренней и внешней торговли и фабрик и кредитных установлений, и б) законов земских, или о частной собственности, о правах различных состояний, о праве вещественном и личном и о порядке судопроизводства. *Образ действия*: 1) собрание полных сведений о всех предметах, подлежащих рассмотрению; 2) составление исторических изложений, с замечаниями о неудобствах и о мерах исправления; 3) разбор прежних проектов; 4) постановление главных начал исправления в журналах комитета, подносимых на высочайшее усмотрение; 5) изготовление, по одобренным государем началам, подробных положений; 6) сообщение последних подлежащим начальствам и исправление по их замечаниям; 7) внесение исправленных положений в Государственный совет. *Порядок исполнения*: соединение всех пройденных предметов в кабинете государя, с тем чтобы все новые положения были обращены к исполнению не иначе, как *в общей их совокупности и в одну определенную эпоху,* когда своды законов для каждой части будут готовы. «Сим только образом, – заключал автор записки, – можно удостоверить полное их действие. Из сего правила, по настоятельности нужд, могут быть допущены некоторые изъятия; но чем менее будет сих изъятий, тем будет лучше и надежнее».

На этих основаниях, в которых так сильно отражалась часть мыслей прежнего государственного секретаря, приспособленных, впрочем, к новым обстоятельствам, но в которых, к сожалению, не довольно обращалось внимания на контроль практики и на образ и средства исполнения посредством местных властей, были составлены Сперанским и потом обсуждены в комитете 6 декабря проекты новых образований для разных частей и степеней управления; но окончательное утверждение получил из них только один новый закон *о выборах и собраниях дворянства*, который, по рассмотрении его в Государственном совете, был обнародован при манифесте 6 декабря 1831 года.

Из письма Александра Сергеевича Пушкина Петру Андреевичу Вяземскому. 16 марта 1830 года

Государь, уезжая, оставил в Москве проект новой организации, контрреволюции революции Петра… Правительство действует или намерено действовать в смысле европейского просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных – вот великие предметы.

Казалось, Николай на пороге умеренных, но благотворных реформ. Надеждам Пушкина не суждено было сбыться. Против реформ решительно выступил великий князь Константин. Произошла революция в Париже. Начался мятеж в Польше. Проекты комитета 6 декабря 1826 года, душой которого был Сперанский, положены были под сукно.

Из «Записок» офицера, участника русско-турецкой войны 1828–1829 годов Иосифа Петровича Дубецкого

Император Николай Павлович был тогда 32-х лет. Высокого роста, сухощав, грудь имел широкую, руки несколько длинные, лицо продолговатое, чистое, лоб открытый, нос римский, рот умеренный, взгляд быстрый, голос звонкий, подходящий к тенору, но говорил несколько скороговоркой. Вообще он был очень строен и ловок. В движениях не было заметно ни надменной важности, ни ветреной торопливости, но видна была какая-то неподдельная строгость. Свежесть лица и все в нем выказывало железное здоровье и служило доказательством, что юность не была изнежена и жизнь сопровождалась трезвостью и умеренностью. В физическом отношении он превосходил всех мужчин из генералитета и офицеров, каких только я видел в армии, и могу сказать поистине, что в нашу просвещенную эпоху величайшая редкость видеть подобного человека в кругу аристократии.

Николаю не пришлось принять участие в боевых действиях 1813–1815 годов, хотя он мечтал об этом и рвался в действующую армию.

Генерал, не нюхавший пороху, он чувствовал свою ущербность по сравнению со своими генералами и офицерами – ветеранами наполеоновских и турецких войн.

Ему нужна была война, чтобы как-то компенсировать собственную воинскую неполноценность.

Персидская война 1826–1827 годов в Закавказье была войной специфической, вязкой, требующей особых – не европейских – приемов. А он только что вступил на престол и осваивался в новом положении. Но зато когда стала неизбежна очередная турецкая война, он твердо решил использовать ситуацию для того, чтобы реализовать полководческие амбиции и создать себе соответствующую репутацию в глазах армии.

Из воспоминаний Виктора Михайловича Шимана

Военных и все военное государь отличал и любил по преимуществу; войска в строю, мундир и воротник, застегнутые на все крючки и пуговицы, военная выправка и руки по швам тешили его глаз… Николай Павлович любил окружать себя военными и всегда и во всем отдавал им предпочтение. Ни у одного из русских императоров не было столько флигель-адъютантов, свиты генерал-майоров и генерал-адъютантов, сколько у него, и ни у кого не было так много министров в военном мундире. Несомненно, что трех своих министров, носивших гражданские чины, он с удовольствием заменил бы военными, если бы нашел между сими последними специалистов, способных принять их портфели.

Но в отличие от своих отца и старшего брата, фанатиков фрунта и парада, Николай и в самом деле был военным профессионалом. Во всяком случае, знающим и дельным военным инженером, мечтавшим испытать себя в боевой обстановке.

Из записки Александра Христофоровича Бенкендорфа «Император Николай I в 1828–1831 годах»

Еще император Александр в последние минуты своей жизни предусматривал печальную необходимость войны с Портою, которая уклонялась под разными предлогами от испол-

нения трактата 1812 года. Наша борьба насмерть с Наполеоном… образование нового Царства Польского по необходимости отвлекли императора и его кабинет от восточных дел. […]

В таком переходном положении нашел император Николай это дело при вступлении своем на престол. Торговля России подвергалась разным препятствиям и даже стеснениям. Нельзя было оставаться в подобной, уничижительной для России нерешимости, тем более что притязания Дивана все возрастали соразмерно с нашей медленностью в отстранении их.

С другой стороны, государь, обремененный разными трудами и заботами, наследованными от своего предшественника, отвращался от мысли увеличить трудность нового царствования войною. […] Вследствие того он, еще в 1825 году, предложил разобрать возникшие между обеими державами недоразумения полюбовно, в дипломатической конференции. Турция согласилась на то, в надежде еще оттянуть дело или достигнуть каких-либо изменений в трактате. Конференции происходили в Аккермане… […] После разных проволочек и ухищрений со стороны Порты положили наконец то, что, казалось, обещало сохранению мира или, по крайней мере, удалению разрыва. Но […] сущность дела оставалась по-прежнему неразрешенною, и весь ход переговоров явно обнаруживал неискренность Дивана и чаяние им лучшей будущности. Греческие дела раздражали против нас Порту. […] Порта продолжала считать Россию возбудительницей бунта в Дунайских княжествах и пособницей греческого восстания.

Посреди стечения взаимных неудовольствий и недоверчивости Европу вдруг поразило неожиданное известие о кровавой Наваринской битве. Наш флот, вместе с английским и французским, сражался против оттоманского, сжег его, захватил турецкие суда и матросов. Как было изъяснить, что этот лютый бой, истребивший соединенные морские силы Турции и Египта, произошел единственно от недоразумения и не должен иметь никакого влияния на прервание доброго согласия между сказанными кабинетами и константинопольским двором? Нужно ли прибавлять, что такое странное изъяснение трудно было Порте понять и еще труднее с ним согласиться.

С этого времени отношения к нам Турции стали еще хуже; наша торговля подверглась новым притеснениям, данные в Аккермане обещания остались неисполненными, и, наконец, явный разрыв был неминуем.

Начались приготовления к войне, и в конце зимы с 1827 на 1828 год гвардия, за исключением кирасирской дивизии и по одному батальону с каждого полка, выступила из Петербурга. […]

Император Николай, пожелав лично участвовать в этой войне, оставил Петербург в последних числах апреля. […]

…Свиту составляли только генерал Адлерберг и врач. Обер-церемониймейстер граф Станислав Потоцкий, назначенный исправлять во время похода должность гофмаршала военного двора, уехал уже прежде. Точно так же отправлены были вперед весь багаж, с палатками, конюшнею и кухнею, а равно флигель-адъютанты и вся государева главная квартира, с приказанием ожидать дальнейших распоряжений в Измаиле.

Сверх того, следовали к армии, по высочайшему соизволению, министр иностранных дел граф Нессельроде с нужным числом высших чиновников; Васильчиков, Ланжерон и несколько других почетнейших генералов, французский посол герцог Мортемар, с многочисленною свитою; генерал австрийской службы принц Гессен-Гомбургский с несколькими офицерами; прусский генерал Ностиц и, наконец, посланники: ганноверский – Дёрнберг и датский – Блум.

Государь ехал день и ночь и остановился только на двое суток в Елисаветграде для осмотра уланской дивизии, принадлежавшей к военным поселениям под начальством графа Витта. Отсюда мы продолжали путь через Бендеры к Водули-Исакчи на границе империи. Тут ожидали нас граф Потоцкий, приехавший нарочно из Измаила, с прекрасным обедом, и

мой брат[13], который, едва возвратясь из персидской кампании, готовился уже начать новую. Мы задыхались от жары, несмотря на то, что было только 7 мая. Государь ступил на турецкую землю при ярко сиявшем солнце и без всякого конвоя, имея в свите только меня и фельдъегеря, и прибыл поздно вечером в лагерь под осажденный великим князем Михаилом Павловичем Браилов.

На другое утро государь объехал верхом все войска, к живой радости солдат, которые впервые видели своего молодого царя, явившегося ободрять их и разделить с ними труды и опасности. Со времен Петра Великого император Николай был первым из русских монархов внутри владений Оттоманской Порты.

Под Браиловым же государь сильно занемог горячкою, опасность и упорность которой в этих краях довольно известна. Благодаря, однако же, его крепкому сложению и чрезвычайной умеренности в пище он скоро встал с постели, и наши опасения рассеялись.

Государь осмотрел все начатые осадные работы и торопил их окончанием. Когда главная батарея (№ 2), вооруженная 12 осадными и 12 батарейными орудиями, представлявшая, по близости ее к стенам крепости, почти брешь-батарею, была совсем кончена, государь на рассвете пришел на нее, чтобы лично удостовериться в ее действии. Огонь с этой батареи был так силен, что неприятель несколько времени не отвечал на него; но когда, опомнясь от первого испуга, он заметил на ближайшем кургане множество людей, в числе которых находился государь со свитою, то направил туда свои выстрелы и стрелял так метко, что многие ядра ударялись в основание возвышения, а некоторые даже перелетали через него и попадали в стоявших тут верховых наших лошадей. Это были первые ядра, летавшие вокруг государя. Нам стоило продолжительных усилий и многих трудов уговорить его оставить это место, сделавшееся целью неприятельского огня. Оттуда он пошел в лагерь 7-го корпуса и лично раздавал георгиевские кресты отличившимся при подступе к крепости, предместия которой были заняты штыками. Он заботливо обходил раненых и больных, приказывал раздавать им деньги, вникал в малейшие подробности касательно пищи солдат и попечения о них. Добрый и приветливый со всеми, он оставил по себе в войсках благоговейную память благодарности, которую потом они выразили на деле самым блестящим образом.

Пробыв несколько дней среди осадного браиловского лагеря, государь возвратился к границе.

В Водули-Исакчи он вышел из коляски и, показывая собою пример повиновения законам, подвергся всем окуркам и очищениям, установленным для прибывающих из княжеств. Потом мы отправились в Бендеры, куда приехала императрица. […]

Браилов сдался со всем своим военным имуществом, и великий князь (Михаил Павлович. – *Я. Г.*), с частию бывших у него войск, присоединился к главной армии, действовавшей под начальством государя.

Жары начинали сильно утомлять солдат; мало было воды, и та дурная; заросшие камышом болота распространяли вредное зловоние; трава погорела; для огромной массы лошадей уже оказывался недостаток в фураже; многие тысячи волов, перевозивших провиант и резервные парки, за неимением достаточных пастбищ, худали, делались неспособными к извозу и издыхали в пути, еще более заражая воздух.

Государь съездил в Кистенджи, в сопровождении лишь нескольких казаков, и отдал приказание об устроении там госпиталей, как и о выгрузке провианта, привезенного на купеческих судах.

Спустя несколько дней сняли лагерь при Карасу, и армия отправилась к Базарджику.

---

[13] Генерал-адъютант Константин Христофорович Бенкендорф, один из отличнейших в ту эпоху кавалерийских наших генералов. – *Примеч. публикатора.*

Этот маленький городок, брошенный жителями и окруженный множеством кладбищ, представлял наглядный образ опустошения и смерти. Неприятель перед уходом испортил там все фонтаны и колодцы, завалив их сором и мешками с мылом, так что не было возможности брать из них воду без крайнего вреда для здоровья. […]

Войска двинулись к избранному пунктом переправы местечку Сатунову, лежащему напротив маленькой турецкой крепости Исакчи, чтобы там выждать время, когда Дунай войдет в берега. На дороге, в Белграде, государь осмотрел 3-й корпус, состоявший под командою генерала Рудзевича.

В Сатунове мы впервые раскинули императорский лагерь, который сам по себе походил на целый городок. Сверх всей свиты и иностранных послов и генералов, в нем находились, для его охранения и вместе как резерв, два пехотных полка, десять артиллерийских рот, три эскадрона жандармов, столько же гвардейских казаков, сотня казаков Атаманского полка и целый армейский казачий полк.

Маркитанты, рестораторы и торговцы всякого рода увеличивали еще его многолюдство. Вся эта команда, с которою нелегко было управляться, состояла под моим начальством. В первые дни часто приходилось сердиться и браниться; потом все обошлось, и дело устроилось к удовольствию государя и всех жителей этой кочевой столицы.

Между тем производились исполинские работы для отвращения препятствий, представлявшихся к переправе разливом Дуная, который в этом году, от чрезвычайно дождливой весны, был необыкновенно полноводен. Чтобы добраться до его берега, принуждены были возвести плотину на протяжении нескольких верст, посреди воды и в топком, илистом грунте; на оконечности этой плотины, для охранения ее и вместе для расположения батареи, долженствовавшей защищать нашу переправу, вывели вал. […]

Государь все деятельно ускорял минуту переправы. Понтоны и большие барки, приготовленные для плавучего моста, ждали у устья маленькой речки сигнала ко входу в Дунай. Гребные флотилии, наша и новых наших подданных запорожцев, приблизились, против течения, к месту переправы. Батарея на берегу была вооружена орудиями; полки, которым следовало идти в головах колонн, подошли к плотине, и все меньшие суда находились между камышами и кустами, покрывавшими наш берег.

Наконец 27 мая, на рассвете, государь со всею своею свитою отправился на оконечность плотины. Два Егерских полка из корпуса генерала Рудзевича первые взошли на транспортные суда. Турки не замедлили отвечать на выстрелы, которые, для прикрытия переправы, вдруг посыпались и с нашей флотилии, и с батареи. Запорожские лодки, более легкие, чем наши, пристали к неприятельскому берегу прежде всех других. Кустарник и глубокая топь, вследствие разлива реки, чрезвычайно затрудняли и высадку, и всякое движение вперед; начальник штаба 2-й армии генерал-адъютант Киселев, генерал князь Горчаков и командиры полковые и баталионные первые вошли в воду по пояс; за егерями следовали другие полки, и вскоре кусты и болота были пройдены под убийственным огнем; после чего наши войска выстроились на открытой местности, напротив гораздо многочисленнейшего неприятеля, которого сила еще увеличивалась возвышенными его укреплениями.

Государь хотел сам бежать на батарею и уже дошел до такого пункта, который обстреливали неприятельские ядра; граф Дибич едва мог склонить его удалиться оттуда на возвышение, на котором он прежде стоял и с которого видны были все движения наших войск, флотилии и турок. […]

Государь, в нетерпеливости своей, побежал к берегу и, пока суда продолжали подвозить подкрепление отрядам, уже овладевшим высотами, велел наводить мост. Поощряемые его присутствием, пионеры принялись за дело с беспримерным жаром. Но он не дождался наведения моста и, в виду еще не сдавшейся и защищаемой сильным гарнизоном крепости, сел в шлюпку запорожского атамана. Последний сам стоял у руля, а двенадцать его казаков

гребли. Этим людям, так недавно еще нашим смертельным врагам и едва за три недели перед тем оставившим неприятельский стан, стоило лишь ударить несколько лишних раз веслами, чтобы сдать туркам, под стенами Исакчи, русского самодержца, вверившегося им в сопровождении всего только двух генералов. Но атаман и его казаки были в восторге от такого знака доверия. […]

Близ Енибазара, где уже стоял наш авангард, государь поднялся на высокий пригорок, откуда явственно открывались высоты Шумлы, линия ее укреплений, которые, быв выведены из известкового камня, казались длинною белою лентою, наконец – неприятельские лагери, расположенные на двух высотах, фланкирующих эту обширную и важную крепость.

Его величество приказал раскинуть свою палатку у подошвы этого пригорка; на широкой долине, расстилавшейся перед ним, разместилась наша армия, а впереди ее – казачьи аванпосты, а против них – турецкие, за которыми тянулся их лагерь, прикрывавший Шумлу. Государь имел, наконец, перед собою главные неприятельские силы и лично распоряжал приготовлениями к бою.

В этом, статься может, была сделана ошибка, за которую ответственность лежала единственно на начальнике Главного штаба графе Дибиче, – ошибка, состоявшая в том, что военную репутацию молодого нашего монарха, его первые опыты полководческих дарований подвергали всем случайностям неровного состязания. Турки, обильно всем снабженные, находясь на собственной земле, вблизи от необходимых пособий, имея повсюду открытые для себя сообщения, насчитывали в рядах своих с лишком 80 000 человек и занимали укрепленную позицию. Наша же армия, напротив, отделенная реками и значительным пространством от всех своих источников снабжения, ослабленная в численности после занятия Молдавии и Валахии, оставлением гарнизонов в завоеванных крепостях и отрядов для блокирования других, утомленная переходами, – считала под ружьем, за исключением больных, менее 30 000 и стояла на позиции не слишком выгодной. Туркам предстояло выдержать здесь последнюю борьбу с нашими орлами, и легко могло случиться, что русскому царю, как некогда Петру Великому на Пруте, придется уступить числу и преклониться пред султаном. Несмотря на все это, решено было атаковать неприятеля.

8 июля с утра граф Дибич пошел с несколькими дивизиями в обход правого неприятельского крыла, а остаток армии, под личным предводительством государя, двинулся, в нескольких каре, прямо на Шумлу. Турки, оттянувшись до высот, образующих как бы занавес перед городом, развернули тут свою артиллерию. В этой позиции, с гребня возвышенности, до которой нам надо было добираться по длинной отлогости, турецкая артиллерия могла действовать с несравненным превосходством против нашей.

Государь, с необыкновенным хладнокровием и всею выдержкою старого воина, управлял движениями и отдавал приказания с такою же точностию, как бы на маневрах. […] С нашего пригорка видны были каждая атака с той и другой стороны, каждый пистолетный выстрел. Государь покойно выжидал благоприятной минуты для нападения на центр. После стычки у небольшой речки, защищавшей подступы к позиции, наши егеря рассыпались в стрелковый строй по ту ее сторону, и государь двинул массу пехоты для окончания дела. Мужественно атакованный на всех пунктах, неприятель начал отступать; пользуясь, однако же, местностью, находившейся под огнем артиллерии, он исполнил свое движение довольно в порядке и, неторопливо оставляя нам поле сражения, возвратился к своей превосходной укрепленной позиции, за стенами и крутыми горами Шумлы. […]

Государь отблагодарил всех, велел заняться ранеными и, наряду с солдатами, провел эту ночь на бивуаках.

Трудно сказать, насколько характеристика, данная Бенкендорфом Николаю-полководцу, соответствует действительности. Это был первый и последний опыт руководства войсками в практике императора. Но

совершенно очевидно, что для самоуважения, для того, чтобы почувствовать себя не просто «генералом мирного времени», но военным человеком в точном смысле этого слова, Николаю этот опыт был необходим.

Вообще, есть подозрение, что его форсированная брутальность, его военно-спартанский стиль жизни призваны были подавить некоторую неуверенность в себе, которая скрывалась за этим грозным фасадом…

Постепенно он уверовал в свою избранность, свою непогрешимость, но в первые годы царствования рискованные решения давались ему с трудом.

Император и Ермолов

Еще до турецкой войны ему пришлось решить весьма непростую задачу – убрать с Кавказа и вообще с политической сцены едва ли не самого популярного в то время генерала – Алексея Петровича Ермолова.

Из воспоминаний адъютанта Ермолова, Павла Христофоровича Граббе

Он [Ермолов] отправился… главнокомандующим на Кавказ и послом в Персию. Взоры целой России обратились туда. Все, что излетало из уст его, стекало с быстрого и резкого пера его, повторялось и списывалось во всех концах России. Никто в России в то время не обращал на себя такого общего и сильного внимания… Преданность, которую он внушал, была беспредельна.

Николай не любил Ермолова еще с юности. Ермолов, единственный из высшего генералитета, позволял себе перечить императору Александру. Было у него столкновение в Париже и с великим князем Николаем Павловичем.

Императора Николая раздражала популярность Ермолова. Но главное было не в этом – он всерьез подозревал «проконсула Кавказа» в связях с заговорщиками из тайных обществ.

Из письма великого князя Николая Павловича начальнику Главного штаба Ивану Ивановичу Дибичу. 12 декабря 1925 года (в ответ на известия о заговоре)

Что будет в России? Что будет в армии?

…Я вам послезавтра, если жив буду, пришлю, – сам еще не знаю кого, – с уведомлением, как все сошло; вы тоже не оставьте меня уведомить о всем, что у вас или вокруг вас происходить будет, особливо у Ермолова… Я, виноват, ему менее всего верю.

Николаю чрезвычайно помогла в этом отношении персидская война. Несмотря на постоянную напряженность между Россией и Персией, о которой неоднократно доносил в Петербург Ермолов, Кавказский корпус, разбросанный на большом и сложном пространстве, оказался не готов к немедленному отпору. Первоначальные успехи персидской армии дали Николаю право выразить Ермолову свое недоверие и послать на Кавказ любимого своего генерала, под началом которого он служил великим князем, – Ивана Федоровича Паскевича. Формально Паскевич должен был находиться в подчинении Ермолова, но в перспективе Николай твердо решил заменить им Алексея Петровича.

Паскевич, генерал профессиональный и решительный, получив от Ермолова в подчинение двух лучших кавказских генералов – Мадатова и Вельяминова, – и закаленные батальоны, в тяжелом сражении разгромил персов под Елизаветполем.

Ермолов понимал, с какой целью прислан был Паскевич, и отношения двух генералов категорически не сложились.

Тогда Николай отправил на Кавказ со специальной миссией начальника Главного штаба Дибича. Когда-то они трое – Ермолов как старший, Паскевич и Дибич – разгромили в знаменитой битве при Кульме (1813) корпус маршала Вандама, что и решило судьбу Наполеона…

Из письма Николая I генералу Ивану Федоровичу Паскевичу. 31 января 1827 года

Давно я к Вам не писал, любезный Иван Федорович; я ждал случая к Вам писать совершенно на свободе, что времени мне не было исполнить досель.

Я с большим любопытством и вниманием читал все Ваши донесения, часто разделял Ваше мнение и с сожалением видел, что часто с наилучшими намерениями не всегда можно вести к цели желаемой предпринятое дело, Вы меня верно понимаете, Вы все исполнили, чего требовать я мог, и, поверьте, ценю Ваше усердие и желание пользы; прочее не в Ваших силах было. Чрез Вас узнал я настоящее положение вещей и поэтому должен принять решительные меры. Вслед за Опперманом будет к Вам г. Дибич, *что я вам одним даю знать.* Его приезд должен быть неожидан, и потому я прошу Вас хранить сие в тайне и не показывать по приезде его, чтоб Вы об том прежде знали. Он мной совершенно уполномочен действовать, как обстоятельства потребуют; я все надеюсь, что с Вашим усердием и опытностью может все придти в должное положение, быв *настроено* начальником моего штаба. Прочее он Вам сам объяснит. Если же иные меры нужны будут, моя воля решительна, и ничто ее не остановит. Но крайность избегать есть долг мой…

Прощайте, любезный Иван Федорович, моя старая дружба Вам известна, она неизменна так, как и моя благодарность.

Ваш искренний
Н.
Жена моя Вам кланяется.

Из письма этого ясна степень близости между императором и его «отцом-командиром», как называл Николай Паскевича. Отношение к Ермолову было принципиально иное…

Из письма Николая I Ивану Ивановичу Дибичу. 8 марта 1827 года

4-го числа сего месяца получил я Ваше первое письмо из Тифлиса, мой дорогой друг, и Вы легко представите себе, с каким нетерпением и с каким удовольствием я его читал. Мне приятно, признаюсь Вам, знать, что Вы находитесь на месте и имеете возможность смотреть Вашим оком на этот лабиринт интриг; надеюсь, что Вы не дадите ослепить себя этому человеку, для которого ложь – добродетель, когда она может быть ему полезна, и который потешается над приказами, которые ему отдают. Словом, да сопутствует Вам Бог и вдохновит Вас быть праведным. Я с нетерпением жду известий…

Из письма Николая I Ивану Ивановичу Дибичу. 10 марта 1827 года

У меня нет от Вас известий, хотя рапорт от 23-го до меня дошел, может быть, они будут у меня завтра. Письмо К. Бенкендорфа говорит об ужасе, который произвело Ваше прибытие, и о радости многих честных людей Вас там видеть; он, похоже, весьма убежден в прошлых и теперешних дурных намерениях Ермолова: было бы чрезвычайно важно, если бы Вы постарались в особенности выявить суть зла в этом лабиринте интриг… во всяком случае, чтобы знали, что сия порода людей не может быть терпима после того, как они разоблачены.

Из этих текстов ясно, что Николай не просто не доверял Ермолову – он его ненавидел, ибо ощущал в нем тот уровень независимости, который считал смертельно опасным для системы, представлявшейся ему идеальной.

Николай безусловно доверял Паскевичу, обвинявшему Ермолова во всех смертных грехах, и не верил ни единому слову Ермолова.

Когда он писал, что Ермолов «потешается над приказами, которые ему отдают», то имел в виду свои требования «наступательных действий» с первых дней войны. Но Ермолов, знающий местные условия, дислокацию войск, враждебность населения тех областей, где предстояло оперировать малочисленным русским войскам, сложность снабжения войск продовольствием, не пошел на явную авантюру. Чем и вызвал гнев императора, составлявшего в Петербурге военные планы.

Из письма Николая I Ивану Ивановичу Дибичу. 12 марта 1827 года

Я ясно вижу, что дела не могут идти подобным образом. Когда Вы и Паскевич уедете, этот человек, предоставленный самому себе, поставит нас в то же положение относительно знания дела и уверенности, что он будет действовать в нашем духе, как было до отъезда Паскевича из Москвы, – такую ответственность я не могу принять на себя. Поэтому, зрело взвесив все и продолжая ожидать Вашего второго курьера, если он не доставит мне иных данных, чем те, которые Вы мне уже дали возможность предвидеть, я не усматриваю иного выхода, как поручить Вам воспользоваться полномочием, предоставленным Вам для смещения Ермолова. Его преемником я предназначаю Паскевича, потому что из Ваших донесений я не усматриваю, чтоб он хоть в чем-либо нарушил обязанности, налагаемые самой строжайшей дисциплиной. Опозорить же этого человека отозванием его при подобных обстоятельствах было бы несогласно с моей совестью. Прежде всего поставьте Паскевича на должную ногу и дайте ему понять всю важность поста, на который я призываю его в данном случае, и внушите ему всю цену моего доверия. Он человек чести и мой прежний начальник, он сумеет, я отвечаю за него, выполнить мои желания.

Последняя фраза полна смысла для понимания не только конкретной ситуации, но и стремительно складывающейся системы взаимоотношения Николая с подданными. «Он сумеет… выполнить мои желания».

Ермолов пытался вести войну по-своему, исходя из огромного кавказского опыта. Он недостаточно учитывал «желания» императора. Он вообще был человеком со своей логикой поведения. Александр с этим мирился ради его талантов и заслуг. У Николая были иные критерии.

Ермолов это понимал.

Из письма Алексея Петровича Ермолова Николаю I. 3 марта 1827 года

Не имев счастия заслужить доверенность Вашего императорского величества, должен я чувствовать, сколько может беспокоить Ваше величество мысль, что при теперешних обстоятельствах дело здешнего края поручено человеку, не имеющему ни довольно способностей, ни деятельности, ни доброй воли. Сей недостаток доверенности Вашего императорского величества поставляет меня в положение чрезвычайно затруднительное. Не могу я иметь нужной в военных делах решительности, хотя бы природа не совсем отказала мне в оной. Деятельность моя охлаждается только мыслию, что не буду я уметь исполнить волю Вашу, всемилостивейший государь!

В сем положении, не видя возможности быть полезным для службы, не смею, однако же, просить об увольнении меня от командования Кавказским корпусом, ибо в теперешних обстоятельствах может это быть приписано желанию уклониться от трудностей войны, которые я совсем не почитаю непреодолимыми, но, устраняя все виды личных выгод, все-

подданнейше осмеливаюсь представить Вашему императорскому величеству меру сию, как согласную с пользой общею, которая всегда была главною целью всех моих действий.

29 марта Паскевич вступил в командование Кавказским корпусом.

Карьера пятидесятилетнего Ермолова закончилась навсегда…

История со смещением Ермолова характерна для начала царствования Николая Павловича в двух отношениях.

С одной стороны, молодой император твердой рукой расчищал поле деятельности для тех, кого он считал своими послушными орудиями.

С другой же стороны, он далеко не всегда был уверен в благоприятной реакции влиятельных групп на его действия.

Именно поэтому в начале апреля он поручил Бенкендорфу, тогда уже шефу жандармов, выяснить настроения в офицерской среде по поводу смещения Ермолова.

Из письма Александра Христофоровича Бенкендорфа начальнику штаба Второй армии генералу Павлу Дмитриевичу Киселеву

Скажите мне, какое впечатление произвела в вашей армии перемена главнокомандующего в Грузии? Вы понимаете, что государь не легко решился на увольнение Ермолова. В течение 15 месяцев он терпел всех, начиная с некоторых старых и неспособных париков министров. Надо было иметь в руках сильные доказательства, чтобы решиться на смещение с столь важного поста, и особенно во время войны, человека, пользующегося огромною репутациею и который в течение 12 лет управлял делами лучшего проконсульства в империи.

Киселев успокоил императора. И был прав. Военные, как и все общество, были слишком потрясены событиями декабря 1825 – января 1826 года, чтобы активно проявлять свое недовольство.

Смещение Ермолова было принципиально важным для Николая экспериментом. Он понял безграничность своей власти.

Император и Польша

Драматическая история отношений между Россией и Польшей при Николае I – это история взаимных разочарований и кровавого крушения иллюзий.

Из записки Александра Христофоровича Бенкендорфа «Император Николай I в 1828–1831 годах»

В это же время интересы, хотя совсем иного рода, но не менее важные, обращали внимание государя на Варшаву.

Цесаревич Константин Павлович, командовавший русскими и польскими войсками в Царстве Польском и мало-помалу сосредоточивший в своих руках управление и гражданскою частью, не умел стяжать народной любви. Под его начальством состоял также и корпус, квартировавший в Литве и носивший, как бы в отличие от всех прочих, означавшихся нумерами, именование Литовского. Все возвращенные от Польши губернии: Виленская, Гродненская, Минская, Волынская и Подольская и область Белостокская – состояли равномерно под управлением цесаревича и ведались им на военную ногу. Эта централизация всего принадлежавшего некогда Польше; либеральная конституция, пожалованная Царству; польские малиновые воротники, вместо красных, на мундирах Литовского корпуса – все это, вместе взятое, было, конечно, большою политическою ошибкою со стороны императора Алек-

сандра, который дал полякам, в противоположность намерениям и действиям императрицы Екатерины, надежду на восстановление их самостоятельности и огорчил чрез то русских.

Император Николай ясно понимал неудобство такого порядка вещей, но в то же время чувствовал и все трудности выйти из него. Первая заключалась в необходимости изменить личное положение старшего его брата, имевшего в супружестве польку, влюбленного во вверенные его начальству войска и благоприятствовавшего желанию поляков присоединить к Царству Польскому прочие одноплеменные с ними губернии, уже столь давно находившиеся под русскою державою. Второю трудностью представлялось ниспровержение устройства, созданного императором Александром. Преемник отказался бы чрез то от наследственного имени освободителя и благодетеля Польши, вооружил бы против себя миллионы поляков, еще более напугал бы Европу, уже без того устрашенную его могуществом, и, наконец, жестоко огорчил бы цесаревича, который, относя всю вверенную ему власть к воле покойного императора, почел бы вопиющим неправосудием отнятие у него этой власти братом, которому он уступил престол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.